Ѳ. В. Тарановскій.

НОРМАНСКАЯ ТЕОРІЯ

ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА.

ВАРШАВА.
ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА
Краковское Предмѣстье № 3.
1909.

ГВ1. +

Ѳ. В. Тарановскій.

Многоуважаемому
Александру Васильевичу
Шмидту
отъ автора.

НОРМАНСКАЯ ТЕОРІЯ

ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА.

ИНСТИТУТ
К. МАРКСА Ф. ЭНГЕЛЬСА
В. Ц. И. К.

ВАРШАВА.
ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА
Краковское Предмѣстье № 3.
1909.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества *Н. Любовичъ.*

376667

Норманская теорія въ исторіи русскаго права.

Примѣненіе сравнительнаго метода къ историческому изученію русскаго права имѣетъ свою исторію [1]). Началось оно съ самаго элементарнаго пріема сравненія, именно — съ сопоставленія нормъ древне-русскаго права съ тѣми источниками, изъ которыхъ онѣ, какъ предполагалось, были непосредственно заимствованы. Самый вопросъ о заимствованіи былъ поставленъ и предрѣшенъ на основаніи сказанія начальной лѣтописи о призваніи варяговъ. Сказаніе это было истолковано въ такомъ смыслѣ, что первоначальное заведеніе правового и политическаго порядка у русскихъ славянъ было признано исключительно дѣломъ пришлыхъ варяговъ. Бытъ славянскихъ племенъ, образовавшихъ впослѣдствіи русскій народъ и русское государство, до призванія варяговъ разсматривался какъ tabula rasa, на которой пришельцы начертали первыя основы гражданственности: отъ нихъ получили восточно-славянскія племена первоначальные юридическіе институты и политическія учрежденія. Такова была въ самыхъ общихъ чертахъ сущность воззрѣній нѣмецкой школы въ русской исторіографіи, сложившейся еще въ XVIII столѣтіи и получившей свое

---

[1]) См. Ѳ. И. Леонтовичъ, Исторія русскаго права, вып. I, Одесса, 1869, стр. 48—54.

Его же. Исторія русскаго права, вып. I, Введеніе, Одесса, 1892 г., стр. 26—29.

названіе по національности представлявшихъ ее ученыхъ, приглашенныхъ изъ Германіи въ С.-Петербургскую Академію Наукъ. Теорія, выработанная ими для объясненія древней русской исторіи, извѣстна подъ названіемъ скандинавской, или норманской. Схема послѣдней предрѣшала тотъ путь, по которому пошли первые изслѣдователи исторіи русскаго права. Отправляясь отъ готоваго ученія о насажденіи первоосновъ гражданственности среди восточныхъ славянъ варяжскими князьями и ихъ норманской дружиной, они разсматривали древнѣйшіе памятники русскаго права какъ уставы этихъ пришлыхъ князей и дружинниковъ, изданные по точному образу и подобію законовъ ихъ родины. Русскую Правду стали сравнивать съ скандинавскими законами,—шведскими и датскими,—причемъ всѣ усилія изслѣдователей были направлены на то, чтобы найти для каждой отдѣльной статьи Русской Правды соотвѣтственную статью ея норманскаго первообраза. Кругъ источниковъ заимствованія расширялся подъ вліяніемъ идеи родства норманновъ съ средне-европейскими германскими племенами. Первообраза Русской Правды стали искать въ народныхъ законахъ не одной лишь Скандинавіи, но и всей родственной норманамъ германской Европы, культурному вліянію которой подчинили восточныхъ славянъ пришлые варяги. Такимъ путемъ стали объяснять постановленія Русской Правды прямымъ заимствованіемъ изъ т. н. варварскихъ законовъ,—саксонскихъ, швабскихъ, остготскихъ, вестготскихъ, фризскихъ, франкскихъ и др.

Съ указанной точки зрѣнія смотрѣлъ на древнее русское право первый по времени историческій его изслѣдователь — Струбе[1]). Рѣшительное вліяніе на первоначальное образованіе русскаго права оказало, по мнѣнію Струбе, образованіе рус-

---

[1]) Strube, Discours sur l'origine et les changemens des Loix Russiennes, СПБ., 1756. Намъ не удалось добыть ни подлиннаго текста Струбе, ни его русскаго перевода, сдѣланнаго С. Нарышкинымъ въ 1756 г., и пришлось пользоваться сокращеннымъ нѣмецкимъ переводомъ, помѣщеннымъ въ Joh. Jos. Haigold's Beylagen zum neuveränderten Russland, I Theil, Riga u. Mietau, 1769, S. 329—377.

ской монархіи [1]). Несомнѣнно, что у восточныхъ славянъ было свое право и до призванія князей, но это право оказалось не въ силахъ противостоять новому порядку жизни, созданному призваніемъ, и уступило предъ нимъ, не оказавъ, повидимому, никакого особеннаго вліянія на дальнѣйшее правообразованіе [2]). Призванные варяги – русь, получивъ въ свои руки политическую власть, стали вводить и свои племенные законы, какъ это обычно дѣлали всѣ германскіе народы во всѣхъ тѣхъ странахъ, въ которыхъ они водворялись въ качествѣ властителей [3]). Въ этомъ особенно убѣждаетъ сравненіе Русской Правды, законодательнаго акта варяго-русскихъ князей, съ законами германскихъ народовъ, — шведовъ, датчанъ, саксовъ, вестготовъ, фризовъ, салическихъ франковъ и др. Эти послѣдніе законы служили не только образцомъ для составленія Русской Правды, но и источникомъ, откуда непосредственно заимствовались ея постановленія [4]). Въ одномъ случаѣ Струбе отмѣчаетъ буквальное заимствованіе, именно, — въ извѣстной статьѣ Русской Правды о ѣздѣ на чужомъ конѣ безъ разрѣшенія собственника,—являющейся дословнымъ переводомъ соотвѣтственной статьи ютландскихъ законовъ [5]). Въ остальныхъ статьяхъ краткой [6]) Правды Струбе видитъ хотя и не буквальное, но точное и близкое къ подлиннику воспроизведеніе правоположеній германскихъ законовъ [7]). Отступленіе отъ послѣднихъ онъ замѣчаетъ только въ одномъ лишь случаѣ, именно,— въ статьѣ (38-ой Академ. списка) объ убійствѣ татя. Постановленіе этой статьи: „аще ли до свѣта держать, то вести его на княжь дворъ" противорѣчитъ громадному большинству германскихъ законовъ, не различавшихъ въ данномъ случаѣ, совершено ли убійство татя ночью или днемъ. Такое различіе проводили Моисеевы законы, которые по данному вопро-

---

[1]) Beylagen, I, 332. [2]) Ibidem, p. 333. [3]) Ibidem, p. 335. [4]) Ibidem, p. 341. [5]) Ibidem, p. 350—351.

[6]) Только ее и изслѣдовалъ Струбе. Припомнимъ, что до 1767 г., когда послѣдовало изданіе Шлецера, вся краткая Правда приписывалась Ярославу. См. В. И. Сергѣевичъ, Русская Правда въ четырехъ редакціяхъ, СПБ., 1904, стр. VI.

[7]) Strube, ibidem, p. 340—352 passim.

су были предпочтены, по мнѣнію Струбе, обычному источнику Русской Правды — законамъ германскимъ. Это частичное отступленіе отъ германскаго первообраза не привилось однако въ жизни, полагаетъ Струбе и въ подтвержденіе своего предположенія ссылается на Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, постановленіе котораго по данному вопросу ближе къ германскимъ законамъ, чѣмъ Русская Правда [1]).

Струбе изслѣдовалъ только извѣстный ему краткій списокъ Русской Правды; поэтому обзоръ ея содержанія онъ заключилъ замѣчаніемъ о томъ, что Правда ничего не говоритъ о договорахъ, о наслѣдствѣ и о другихъ вопросахъ права (кромѣ уголовнаго и уголовно-судебнаго права); всѣ вопросы, обойденные молчаніемъ въ княжескомъ законодательствѣ, разрѣшались на основаніи юридическихъ обычаевъ. Источникъ этихъ обычаевъ былъ, по мнѣнію Струбе, тотъ же, что и законовъ, часть которыхъ они составляли [2]). Такимъ образомъ и неписаное обычное, слѣдовательно, все древне-русское право признавалось заимствованнымъ изъ германскаго права. Недаромъ и въ Уложеніи по одному частному вопросу Струбе видѣлъ приближеніе къ германскому первоисточнику, какъ это мы отмѣтили выше. На дальнѣйшихъ измѣненіяхъ русскаго права послѣ Правды Струбе не останавливается столь подробно, какъ на самой Правдѣ. Онъ главнымъ образомъ лишь перечисляетъ послѣдующіе законы и не задается уже цѣлью отысканія тѣхъ германскихъ источниковъ, откуда они были заимствованы. Только относительно судебныхъ поединковъ, принятыхъ въ Царскомъ Судебникѣ, Струбе указываетъ на германское происхожденіе этого процессуальнаго института [3]).

Мы отмѣтили, что заимствованіе всѣхъ понятій и опредѣленій древне-русскаго права изъ германскихъ народныхъ законовъ являлось въ глазахъ Струбе естественнымъ послѣдствіемъ водворенія въ восточно-славянскихъ земляхъ варяговъ въ качествѣ носителей неизвѣстнаго славянамъ начала поли-

---

[1]) Strube, p. 348—350. См. Улож. XXI, 88. [2]) Ibidem, p. 340. [3]) Ibidem, p. 359.

тической власти и насадителей новаго для нихъ порядка гражданственности. Приступая къ изслѣдованію Русской Правды, Струбе отправлялся отъ готовой схемы норманской теоріи, выработанной Байеромъ и Миллеромъ. Когда Шлецеръ приступилъ къ разработкѣ по лѣтописямъ древняго періода русской исторіи, онъ засталъ уже разсужденіе Струбе, призналъ его выводы и использовалъ ихъ въ качествѣ одного изъ доказательствъ скандинавскаго происхожденія варяговъ[1]). Получался такимъ образомъ заколдованный кругъ: національность варяговъ служила предпосылкой заключенія о заимствованіи постановленій Русской Правды изъ германскихъ народныхъ законовъ, а затѣмъ „изумительное“ сходство съ ними Правды служило однимъ изъ доказательныхъ средствъ для установленія національности варяговъ. Выходъ изъ этого круга былъ сдѣланъ Эверсомъ, который призналъ производное отъ германскихъ народныхъ законовъ происхожденіе Русской Правды безусловнымъ и независимымъ отъ національнаго происхожденія варяговъ.

Такое положеніе Эверсъ занялъ въ своей первой работѣ, посвященной опроверженію скандинавской теоріи и доказательству черноморскаго, хазарскаго происхожденія варяговъ. Въ полемикѣ съ Шлецеромъ Эверсу пришлось остановиться и на вопросѣ объ источникахъ Русской Правды. Центральный пунктъ обсужденія составила выдвинутая Шлецеромъ на первый планъ[2]) и получившая такимъ образомъ особенную извѣстность статья Русской Правды о ѣздѣ на чужомъ

---

[1]) Aug. Ludw. Schlözer, Несторъ.—Russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt, II Theil, 1801, S. 204: Dritter Beweis, dass die Waräger aus Skandinavien stammen: die Aenlichkeit der ältesten geschriebenen Gesetze in Russland (Pravda genannt), welche Kuriks Ur-Enkel Jaroslav den Novgorodern gab, mit den alten schwedischen und dänischen Gesetzen, ist zum Erstaunen gross. Der Collegien - Rat Strube hat dieses in einer Rede ausgeführt.—У Карамзина скандинавское происхожденіе древняго русскаго права является естественнымъ послѣдствіемъ владычества варяговъ. См. Ист. Гос. Росс., т. I, гл. 10 (стр. 276 по 3-ему изд. Смирдина) и т. II, гл. 3 (стр. 50, 62 и др.).

[2]) Schlözer, l. c., p. 204.

конѣ. Эверсъ отвергъ въ данномъ случаѣ заимствованіе изъ ютландскаго закона (Judtsche Lowbok) на томъ основаніи, что послѣдній составленъ на 223 года позже Русской Правды [1]). Возникъ такимъ образомъ обратный вопросъ, не заимствовалъ ли ютландскій законъ пресловутой статьи изъ Русской Правды? Подобное предположеніе представляется Эверсу недопустимымъ. Разительное сходство упомянутой статьи въ двухъ названныхъ памятникахъ приводитъ его лишь къ заключенію, что оба эти памятника черпали свои постановленія изъ единаго германскаго источника [2]). Заимствованіе изъ германскаго первоисточника не находится, по мнѣнію Эверса, ни въ какой связи съ происхожденіемъ варяговъ [3]) и объясняется исключительно близкими торговыми и культурными сношеніями, которыя существовали между русскими славянами и нѣмцами съ незапамятныхъ временъ [4]).

То же ученіе объ источникахъ Русской Правды излагаетъ затѣмъ Эверсъ и въ своихъ „Предварительныхъ критическихъ изслѣдованіяхъ для россійской исторіи“, дополняя его лишь соображеніемъ о томъ, что Ярославъ не переводилъ дословно германскаго источника, но приспособлялъ его къ особенностямъ характера и нравовъ славянъ [5]). Въ своемъ

---

[1]) Joh. Phil. Gust. Ewers, Vom Ursprunge des russischen Staats, Riga u. Leipzig, 1805, S. 148.

[2]) Ibidem, p. 149: Dass die dänischen Gesetzgeber aus der russischen Pravda etwas entlehnt hätten, darf man wohl nicht annehmen; aber ihre Gesetze sowohl, als die jaroslavischen, haben sehr viel Aehnlichkeit mit den alten fränkischen, sächsischen und friesischen. Daher schliesse ich, beide (das jütische Lowbok und die russische Pravda) haben aus Einer germanischen Quelle geschöpft, die sich vielleicht noch bestimmt nachweisen lässt; vielleicht auch verschüttet ist. Anders weiss ich die Uebereinstimmung nicht zu erklären.

[3]) Ibidem, p. 148—149: Wenn auch die Pravda ganz und wörtlich aus Skandinavischen Gesetzen entlehnt wäre; so würde sich doch auch daraus, meines Erachtens, nicht folgen lassen, dass die Slaven am Ilmen-See zwei hundert Jahre früher von den Skandinaviern ihre Fürsten hohlten. Hätte Peter der Grosse seinen Entschluss, bei der Reform des russischen Justiz-Wesens Schweden zum Muster zu nehmen, ausgeführt: könnte das Licht über die Herkunft seines Urgrossvaters verbreiten?

[4]) Ibidem, p. 149—151.

[5]) Ewers, Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen, Dor-

систематическомъ трудѣ о „древнѣйшемъ русскомъ правѣ въ историческомъ его раскрытіи“ Эверсъ занимается разъясненіемъ внутренняго содержанія юридическихъ памятниковъ и оставляетъ въ сторонѣ вопросъ объ ихъ внѣшнемъ происхожденіи. Это не значитъ однако, что онъ отказывается отъ своего первоначальнаго мнѣнія; и въ этомъ трудѣ германское происхожденіе русскаго права подразумѣвается, такъ сказать, само собою, какъ это съ наглядностью обнаруживается изъ вскользь брошенной авторомъ мысли о полномъ тождествѣ германскаго и русскаго правового принципа [1]).

Рейцъ въ своемъ „Опытѣ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ“ принимаетъ скандинавскую теорію [2]) и пользуется ею для объясненія отдѣльныхъ мѣстъ и терминовъ юридическихъ памятниковъ древности [3]), но нигдѣ не останавливается на вопросѣ объ источникахъ древне-русскаго права во всемъ его объемѣ.

---

pat, 1814, S. 109—110: Eben so wenig ist es ein trifftiger Einwurf, man könne das Vorbild der Pravda in keinem deutschen Gesetzbuche bestimmt zeigen. Jaroslav durfte weise den Novgorodern nicht die buchstäbliche Uebersetzung des fremden Werkes geben, welches unter einem Volke entstanden war, das vierhundert Jahre früher im Ganzen wohl auf gleicher Bildungsstufe sich befand, aber durch Eigenthümlichkeit des Charakters und der Sitten immer scharf von den Slaven unterschied. Manches musste abgeändert werden. Man weiss, wie vielfach alle deutsche Gesetze der Missethaten gegen das weibliche Geschlecht und der strafbaren Verirrungen desselben erwähnen. In der Pravda findet sich Nichts davon, denn die Russen wiesen jene, wie diese, vor die Gerichtsbarkeit der Kirche. Diess ein Beispiel gilt für viele, und macht begreifflich, warum wir die Gestalt des Erzeugnisses der germanischen Welt auf fremden Boden nur zum Theil wieder erkennen. Die wenigen technischen Ausdrücke, welche beibehalten sind, als Вервь (Werf, Gerichtssprengel), Вира (Wira, Were—Geld) u. a. verrathen freilich eine Uebersetzung, aber deren Urschrift nicht.

[1]) По поводу ст. 4-ой договора Олега съ греками 911 г. Эверсъ говоритъ: Das Alterthümliche dieser Rechtsbestimmungen ist unverkennbar. Das Princip ist das germanische, skandinavische, russische. См. Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwickelung, Dorpat u. Hamburg, 1826, S. 139.

[2]) См. Alexander von Reutz, Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russichen Staats- und Rechts-Verfassung, Mitau, 1829, S. 22—25.

[3]) Напр., по поводу толкованія термина „гридинъ“ см. l. c., p. 42.

Наиболѣе ревностнымъ и едва ли не дальше всѣхъ идущимъ сторонникомъ германскаго происхожденія древне-русскаго права является М. П. Погодинъ. Онъ не занимался спеціально исторіей русскаго права и предоставлялъ эту область юристамъ по профессіи[1]), позволяя себѣ лишь дѣлать указанія послѣднимъ относительно непосредственныхъ задачъ ихъ изслѣдованій[2]). Древне-русское право разсматривается самимъ М. П. Погодинымъ лишь попутно въ связи съ общимъ ходомъ нашей исторической жизни. Главное вниманіе Погодина сосредоточивалось на такъ называемомъ имъ варяжскомъ или норманскомъ періодѣ русской исторіи (862—1054 г.г.). Право выступаетъ въ этомъ періодѣ исключительно какъ проявленіе норманской стихіи. Погодинъ собираетъ всѣ сдѣланныя предшествовавшими изслѣдователями сопоставленія Русской Правды съ скандинавскими и иными германскими законами и объясняетъ ихъ исключительно заимствованіемъ[3]): пришлые норманы дали намъ запись своихъ обычаевъ и законовъ подобну тому, какъ они это дѣлали повсюду, гдѣ приходилось имъ водворяться въ качествѣ носителей власти[4]). „Охотники спорить“, говоритъ М. П. Погодинъ, „охотники искать

---

[1]) См., напр., Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи, т. VII, 1856, стр. 228, 281, 297.

[2]) Такъ, по поводу магистерской диссертаціи К. Д. Кавелина въ 1844 г. М. П. Погодинъ заявилъ, что историки-юристы должны заниматься не систематическими изслѣдованіями объ отдѣльныхъ институтахъ права или эпохахъ исторіи права, для чего еще не приспѣло время, а собираніемъ выписокъ изъ источниковъ объ отдѣльныхъ терминахъ и элементарныхъ, не сложныхъ учрежденіяхъ. См. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VII, стр. 372—373. Тѣ же въ сущности наставленія повторены М. П. Погодинымъ по поводу Исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ К. А. Неволина,—см. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. VII, стр. 283—284. Всѣ эти наставленія вытекали изъ принятаго самимъ М. П. Погодинымъ метода историческаго изслѣдованія, характеристику котораго онъ даетъ въ предисловіи (стр. X) къ первому тому своихъ Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій.

[3]) См. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. III, глава XI: Право, стр. 359—417. Объ отношеніи къ предшественникамъ тамъ же, стр. 386.

[4]) Ibidem, p. 367, nota 851.

не истины, а предлоговъ къ несогласію могутъ сдѣлать слѣдующее частное возраженіе, составленное изъ легкихъ общихъ мѣстъ: такое то постановленіе (напр., месть) принадлежитъ всѣмъ народамъ, — такое то имя (напр., князь) есть чисто славянское, — слѣдовательно, норманскими ихъ называть нельзя. Отвѣчаю: 1) если онѣ общія, то нельзя отнять ихъ и у норманновъ; 2) онѣ являются не однѣ, а въ совокупности со множествомъ другихъ обычаевъ или именъ, чисто норманскихъ, слѣдовательно, должны быть принесены норманами же, которые встрѣтили у туземцевъ случайное сходство съ собою въ этомъ отношеніи. Мало ли есть такихъ сходствъ и теперь между племенами при всемъ впрочемъ ихъ различіи между собою" [1])! Приведенное разсужденіе весьма характерно и особенно знаменательно въ своей послѣдней части. Оно ясно показываетъ, что вопросъ о германскихъ источникахъ Русской Правды былъ предрѣшенъ: заимствованіе разсматривалось какъ естественное послѣдствіе призванія варяговъ. Съ другой стороны, М. П. Погодинъ поддерживаетъ ту мысль, что сходство Правды съ скандинавскими законами является въ свою очередь доказательствомъ скандинавскаго происхожденія варяго-руссовъ [2]).

Самостоятельность восточныхъ славянъ при рецепціи ими норманскаго права выразилась, по мнѣнію Погодина, исключительно въ переводѣ юридическихъ терминовъ на славянскій языкъ или въ передѣлкѣ ихъ на славянскій ладъ [3]). Вслѣдствіе этого остается непонятнымъ, что собственно имѣлъ въ виду Погодинъ, когда намѣчалъ въ числѣ „операцій", которыя, по его

---

[1]) Ibidem, p. 417.

[2]) См. ibidem, p. 386: „Сходствомъ Русской Правды съ законами скандинавскими доказывали скандинавское происхожденіе Руси.... Въ 1825 г. пишучи свое разсужденіе о варягахъ—руси подъ вліяніемъ Шлёцеровской буквы, я принялъ возраженіе Эверса, и не считалъ сходства законовъ доказательствомъ происхожденія. Беру свою уступку назадъ".

[3]) Ibidem, стр. 416: „Обозрѣвая эти законы, обычаи, должности и ихъ названія, мы видимъ ясно, что всѣ они принадлежали племени пришлому, норманскому = нѣмецкому.... Туземцы переводили естественно нѣкоторыя изъ этихъ названій на свой языкъ..., а другія употребляли безъ перевода, измѣняя только ихъ окончанія. Иныя названія были сходны, созвучны на обоихъ языкахъ".

мнѣнію, необходимо продѣлать надъ Русской Правдой, разложеніе ея на элементы: скандинавскій, *славянскій*, христіанскій [1]).

Самъ М. П. Погодинъ не находилъ въ Русской Правдѣ никакихъ иныхъ элементовъ, кромѣ германскаго. Поэтому, когда онъ задавалъ другимъ отысканіе въ ней славянскаго элемента и такимъ образомъ какъ бы допускалъ возможность послѣдняго, то этому обстоятельству нельзя придавать особеннаго значенія. Оно не нарушало внутренняго единства норманской теоріи и было не болѣе, какъ внѣшней лишь уступкой славянскому движенію въ литературѣ и въ наукѣ, которому Погодинъ въ высшей степени сочувствовалъ какъ гражданинъ, какъ литераторъ, какъ политикъ, наконецъ, какъ исторіософъ, но только не какъ ученый спеціалистъ по древней русской исторіи. Само собою разумѣется, мы не станемъ касаться практическаго участія М. П. Погодина въ дѣлѣ осуществленія идеи славянской взаимности; отмѣтимъ лишь, какое значеніе придавалъ Погодинъ славянству въ общемъ ходѣ исторіи. „Есть въ исторіи", училъ М. П. Погодинъ, „чреда для народовъ, кои, одинъ за другимъ, выходятъ стоять какъ будто на часы и служить свою службу человѣчеству; до сихъ поръ однихъ словенъ свѣтъ не видалъ еще на этой славной чредѣ. Слѣдовательно, они должны выступить теперь на поприще, начать высшую работу для человѣчества и проявить благороднѣйшія его силы" [2]). Такъ локализовалъ Погодинъ славянъ во всемірной исторіи: онъ ихъ проецировалъ въ будущемъ, правда, не безконечно далекомъ, а такомъ будущемъ, которое зачинается уже въ настоящемъ,—но все же въ будущемъ. Найдя для славянъ мѣсто „на высокой чредѣ" всемірной исторіи, Погодинъ непосредственно вслѣдъ за этимъ рѣшалъ вопросъ объ отношеніи къ славянству Россіи. „Но какое же племя между словенами", говоритъ онъ, „занимаетъ теперь первое мѣсто? Какое племя по своему составу, языку,

---

[1]) Ibidem, p. 387.

[2]) См. Письмо М. П. Погодина о русской исторіи Наслѣднику Цесаревичу въ концѣ 1837 года, Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. V, стр. 173.

совокупности свойствъ можетъ назваться представителемъ всего словенскаго міра? Какое болѣе имѣетъ залоговъ въ своемъ настоящемъ положеніи и прошедшей исторіи для будущаго величія? Какое ближе всѣхъ къ этой высшей цѣли? Какое имѣетъ болѣе видимой возможности достигнуть ее? Какое.... Сердце трепещетъ отъ радости.... о, Россія! о мое отечество! Не тебѣ ли?... о если бы тебѣ!... Тебѣ, тебѣ суждено довершить, увѣнчать развитіе человѣчества" [1]....

Такъ разсуждалъ М. П. Погодинъ въ широкихъ предѣлахъ всемірно-исторической перспективы: въ предвидѣніи будущаго онъ признавалъ Россію лучшей выразительницей славянства. Но стоило только отъ будущаго перейти къ прошедшему и, оставивъ всемірно-историческія построенія, сосредоточиться на древнемъ періодѣ русской исторіи,—картина мѣнялась коренным образомъ: славянство исчезало, и норманизмъ господствовалъ безраздѣльно. М. П. Погодинъ считалъ научною ересью мысль о томъ, что Русская Правда представляетъ собою памятникъ славянскаго права [2].

Уступая успѣхамъ научной разработки славянскихъ древностей, М. П. Погодинъ включилъ ихъ въ кругъ вспомогательныхъ знаній, необходимыхъ для изученія русской исторіи. Въ *Инструкціи для посвящающихъ себя русской исторіи*, составленной въ 1844 г. предъ оставленіемъ университетской каѳедры, М. П. Погодинъ писалъ: „Посвящающему себя русской исторіи я совѣтовалъ бы пріѣхать ко мнѣ въ Москву, изучить подъ моимъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ въ продолженіе двухъ лѣтъ или полутора года всѣ главные источники русской исторіи и познакомиться съ письменною литературою, а потомъ ѣхать на полгода къ Магнусену въ Копенгагенъ для знакомства съ норманами, на полгода къ Шафарику въ Прагу, чтобы узнать словенскія древности,

---

[1]) Тамъ-же, стр. 173—174.

[2]) За эту мысль М. П. Погодинъ жестоко напалъ на А. Попова и его диссертацію: Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву (Москва, 1841). Объ этомъ см. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VI, стр. 302—303.

и, наконецъ, на годъ въ Варшаву къ Маціевскому, чтобы выучиться по-польски и узнать источники польской исторіи, по колику она связана съ русскою" [1]). Нельзя не отмѣтить, что въ приведенномъ мѣстѣ инструкціи изученіе норманновъ все же предпослано изученію славянъ, и что у Мацѣевскаго слѣдовало учиться, по мнѣнію М. П. Погодина, только польской исторіи, а не славянскому праву. Послѣднее особенно характерно.

Въ *Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ* М. П. Погодинъ вынужденъ былъ сознаться, что въ своихъ историческихъ изысканіяхъ онъ пропускалъ „до сихъ поръ безъ вниманія" нашихъ славянъ, „хотя изъ нихъ собственно составилось государство" [2]). Чтобы восполнить этотъ пробѣлъ онъ составилъ и издалъ „лекціи по Шафарику о славянахъ вообще, объ отношеніи, какое имѣютъ славянскія древности къ русской исторіи, о племенахъ славянскихъ въ эпоху прибытія норманновъ" [3]). Эти лекціи имѣли въ виду, по собственному заявленію М. П. Погодина, показать, „въ какой связи русская исторія находится съ древле-славянскою,.... чего отъ нея, на какихъ путяхъ ожидать можно, и отъ какихъ заблужденій остерегаться должно" [4]).

Привлеченіе „древле-славянской" исторіи не отразилось у М. П. Погодина на объясненіи политико-правового строя нашей древности. Подъ вліяніемъ Шафарика М. П. Погодинъ измѣнилъ лишь свой взглядъ на бытъ, нравы и культуру восточныхъ славянъ до призванія варяговъ [5]). Сообразно этому „непосредственную связь русской исторіи съ изслѣдованіями о славянахъ" онъ сводилъ исключительно къ выясненію вопроса о томъ, каковы были славяне „въ эпоху норманскаго водворенія между ними" [6]). Спрашивается, какъ же разрѣшал-

---

[1]) Н. Барсуковъ, указ. соч., кн. VII, стр. 291.
[2]) Томъ I, предисловіе, стр. IX.
[3]) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. II, гл. VI, стр. 319—414.
[4]) Тамъ-же, т. I, предисловіе, стр. IX.
[5]) Тамъ-же, т. II, стр. 321.
[6]) Тамъ-же, т. II, стр. 383.

ся этотъ вопросъ послѣ Шафарика? „Вѣрно", говоритъ М. П. Погодинъ, „не находились они на той степени дикости, на которую поставилъ ихъ неумолимый Шлецеръ, и на которой видѣли ихъ всѣ наши изслѣдователи до Шафарика! И Новгородъ, и Полоцкъ, и Изборскъ, и Ростовъ, и Кіевъ, и Смоленскъ, и прочіе города представляются намъ тотчасъ въ другомъ свѣтѣ. Славяне и кривичи съ чудью и весью могли точно призвать себѣ защитниковъ, могли и не поладить послѣ съ ними, возстать противъ Рюрика, заставить можетъ быть Олега удалиться. Мы начинаемъ тотчасъ понимать, почему пришлые варяги должны были подчиниться вліянію туземцевъ, и чрезъ два—три вѣка потеряться въ славянскомъ населеніи, *оставивъ слѣды только въ гражданскомъ устройствѣ и правительствѣ*" [1]). Славянскія пріобрѣтенія, если такъ можно выразиться, какъ видимъ, не велики. Они выставляются въ качествѣ доказательства культурно-историческаго правдоподобія столь важнаго шага, какъ призваніе варяговъ; они ведутъ кромѣ того къ признанію большей культурной доброкачественности того этнографическаго матеріала, изъ котораго „составилось государство". Дальше этого не простирается связь русской исторіи съ „древле-славянской", и остается въ силѣ прежнее утвержденіе, что государство „составили" варяги, и, слѣдовательно, весь политико-правовой строй русской древности признается по-прежнему германскимъ по своему происхожденію. Этой мысли М. П. Погодинъ никогда не оставляетъ и не забываетъ напомнить о ней. „Надобно впрочемъ прибавить", говоритъ онъ, „что славяне, воспріявъ въ нѣдра свои норманновъ, удержали при себѣ *доставленные ими дары,—гражданство и христіанство*" [2]).

М. П. Погодинъ обѣщалъ дать въ своихъ „лекціяхъ о славянахъ" не только указаніе связи русской исторіи съ древнеславянской, но и предостереженіе отъ возможныхъ въ дан-

---

[1]) Тамъ-же, т. II, стр. 384. Курсивъ въ цитатѣ нашъ.

[2]) Тамъ-же, т. III, стр. 512. Курсивъ въ цитатѣ нашъ. Срвн. Историческіе афоризмы М. П. Погодина, Москва, 1836, стр. 13: „нашимъ славянамъ, напримѣръ, норманы дали все политическое устройство".

номъ направленіи заблужденій. Этого предостереженія, собственно говоря, въ „лекціяхъ" нѣтъ, и мы его находимъ лишь въ полемической статьѣ противъ П. В. Кирѣевскаго, въ которой признано было заблужденіемъ всякое пользованіе славянской исторіей, выходящее за предѣлы простого приведенія свидѣтельствъ источниковъ о бытѣ славянъ до призванія варяговъ. „Исторію славянскихъ племенъ", говоритъ М. П. Погодинъ, „для объясненія нашей употреблять намъ очень мудрено. Поясню мою мысль. Великороссіяне живутъ рядомъ съ малороссіянами. Нѣтъ ли у насъ бо́льшаго сходства въ нѣкоторыхъ качествахъ даже съ французами, чѣмъ съ ними? Въ чемъ же состоитъ сходство? Этотъ вопросъ гораздо затруднительнѣе.—Далѣе возьмемъ исторію Россіи и Польши. Въ чемъ онѣ сходятся? А живемъ мы рядомъ! Попытайтесь употребить польскую исторію для объясненія русской, и русскую для объясненія польской — мы не объяснимъ, а развѣ затемнимъ ту и другую. Тяжелая задача! Я найду скорѣе сходство въ русской съ испанскою, чѣмъ съ польскою. — Говорить ли о Сербіи? —Обратимъ вниманіе на характеры: малороссіянина, поляка, чеха, серба, великороссіянина, болгарина. Какое разнообразіе! Каковъ характеръ, такова и исторія.—Наконецъ, разныя обстоятельства измѣняли совершенно исторію, что касается до путей ея, средствъ и пр. Укажу на одно: западные слове́не окружены были воинственными племенами, а мы — мирными" [1]).

Въ ученіи о германскомъ происхожденіи древне-русскаго права М. П. Погодинъ всецѣло воспроизвелъ данныя, выработанныя его предшественниками. Какъ и они, онъ разбиралъ лишь Ярославову Правду и круто обрывалъ норманизмъ нашего права на первомъ („норманскомъ") періодѣ. Дѣлая обзоръ права въ слѣдующемъ—„удѣльномъ" періодѣ, М. П. Погодинъ не поднимаетъ уже вопроса о германскихъ его источникахъ [2]). Между тѣмъ само собою разумѣется, что такой во-

---

[1]) См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. VIII, стр. 137.

[2]) См. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. VII, 1856 г.,

просъ долженъ былъ быть поставленъ съ точки зрѣнія теоріи автора, такъ какъ норманы „потерялись" вѣдь въ славянскомъ населеніи только черезъ „два-три вѣка" послѣ призванія и даже еще позднѣе [1]). Правда, славяне „удержали при себѣ доставленные ими дары,—гражданство и христіанство", но такое общее утвержденіе еще не исчерпываетъ вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, необходимо было вѣдь выяснить болѣе подробно, что сталось впослѣдствіи съ варяжскимъ даромъ гражданственности,—сохранился ли онъ навсегда съ первоначальнымъ своимъ германскимъ характеромъ во всей его чистотѣ и неприкосновенности, или же видоизмѣнился подъ воздѣйствіемъ туземной славянской стихіи, и если да, то въ чемъ это видоизмѣненіе выразилось, и какъ глубоко захватило оно самыя основы институтовъ. Обо всемъ этомъ не находимъ у М. П. Погодина ни слова. Такое равнодушіе и даже безразличіе къ дальнѣйшей судьбѣ того начала, которое съ такимъ рвеніемъ отстаивалось въ первомъ періодѣ, можетъ навести на мысль, что сами приверженцы норманизма не придавали ему существеннаго значенія въ дѣлѣ объясненія всего хода русской исторіи, и что даже весь пресловутый споръ о „происхожденіи Руси" является скорѣе плодомъ ученаго педантизма, чѣмъ удовлетвореніемъ существенной потребности русской исторической науки. Такъ и смотрѣли на это дѣло тѣ изъ современниковъ первыхъ годовъ научной дѣятельности М. П. Погодина, которыхъ интересовалъ общій смыслъ хода отечественной исторіи. Станкевичъ, узнавъ, что въ одной старинной книжкѣ Дрезденской королевской библіотеки сказано: „*И идоша къ варягамъ въ Голштинскую землю*", иронизировалъ по этому поводу въ письмѣ къ Грановскому: „Те-

---

гл. VII: Право, стр. 281—299. Къ этому періоду М. П. Погодинъ относитъ вторую часть краткой Правды, см. ibidem, p. 289.

[1]) Въ 1845 г. М. П. Погодинъ писалъ въ полемической статьѣ противъ П. В. Кирѣевскаго: „Черезъ пять или шесть сотъ лѣтъ народъ развился и чуждыхъ господъ не стало: они подверглись вліянію нашего народа, они сами сдѣлались частью того народа и дѣйствовали уже сообща". См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. VIII, стр. 136.

перь все рѣшено. Я радъ. Хочу писать *философію русской исторіи*"[1]).

Какъ ни справедлива насмѣшка Станкевича надъ крайностями ученаго педантизма, проявившимися въ спорахъ о „происхожденіи Руси", нельзя однако не признать, что споры эти содержали въ себѣ возможность весьма существеннаго вліянія именно на построеніе философіи русской исторіи. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи могла имѣть норманская теорія. Она дѣлала центральнымъ предметомъ изученія первоначальное основаніе государства и признавала, что въ основу политическаго и юридическаго уклада жизни русскихъ славянъ были положены начала германскія, т. е. тѣ же начала, изъ которыхъ развился весь политическій и правовой строй Западной Европы. Она сосредоточивалась такимъ образомъ на тѣхъ моментахъ, которымъ западно-европейская исторіографія XVIII столѣтія придавала существенно важное и въ нѣкоторомъ родѣ философское значеніе. Мы должны поэтому поставить вопросъ о томъ, создала ли норманская теорія особую философію русской исторіи, отличавшую ее отъ антинормановъ. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ необходимо прежде всего разобраться въ соотвѣтственныхъ фактахъ западно-европейской исторіографіи.

Въ *Франко-Галліи* Готмана впервые была точно и опредѣленно формулирована мысль о томъ, что основное значеніе для политическаго развитія народа имѣетъ то первоначальное учрежденіе, которое народъ самъ себѣ даетъ на зарѣ своей исторической жизни. Это учрежденіе можетъ затѣмъ въ теченіи вѣковъ измѣняться и искажаться, но все же въ концѣ концовъ должны восторжествовать его исконные принципы. Эта мысль получила философскую санкцію въ ученіи школы естественнаго права о первоначальномъ общественномъ договорѣ. Выведеніе всего хода политическаго развитія народа изъ основъ и особенностей первоначальнаго установленія у него государственности сдѣлалось, можно сказать, школь-

[1]) См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. V, стр. 177.

ной традиціей въ исторіографіи. На этой точкѣ зрѣнія стояли и тѣ, которые не признавали историческаго существованія общественнаго договора и объясняли первоначальное политическое учрежденіе мудрымъ установленіемъ правителей или даже независимымъ отъ произвольнаго установленія дѣйствіемъ естественныхъ условій климата, почвы, быта и нравовъ народа: и въ ихъ глазахъ первоначальное учрежденіе предопредѣляло весь дальнѣйшій ходъ политическаго развитія. Недаромъ и Монтескье придавалъ столь большое значеніе „лѣсамъ" Германіи, въ которыхъ зародились политическая свобода и наиболѣе совершенно ее осуществившее „готическое правленіе" [1]). Монтескье упорно стоялъ за германское происхожденіе французской монархіи [2]): этимъ онъ хотѣлъ дать понять, что французское государство по своему первоначальному установленію исторически предопредѣлено и къ развитію высшихъ формъ „готическаго правленія" [3]). Основы послѣдняго были рас-

376664

---

[1]) L'esprit des lois, l. XI, ch. 6: Si l'on veut lire l'admirable ouvrage de Tacite sur les moeurs des Germains, on verra que c'est d'eux que les Anglois ont tiré l'idée de leur gouvernement politique. Ce beau système a été trouvé dans les bois. Въ главѣ 8-ой той же книги Монтескье объясняетъ, какимъ образомъ изъ нравовъ германцевъ и обстоятельствъ ихъ жизни послѣ завоеванія образовалось представительное правленіе, и заключаетъ свое объясненіе словами: voilà l'origine du gouvernement gothique parmi nous.

[2]) См. L'esprit des lois, l. XXX, ch. 23—25, содержащія полемику съ абб. Дюбо.

[3]) Вѣдь les anciens ne connoissoient point.... le gouvernement fondé sur un corps législatif formé par les représentants d'une nation (l. XI, ch. 8). Признать вмѣстѣ съ Dubos, что nos rois, appellés par les peuples, n'ont fait que se mettre à la place et succéder aux droits des empereurs romains (l. XXX, ch. 24), значило согласиться съ положеніемъ, что въ самомъ основаніи французской монархіи не было задатковъ политической свободы.—Въ XVIII вѣкѣ хорошо понимали, что слѣдовало обратить особенное вниманіе на то, что сказано въ Духѣ законовъ о древней французской монархіи. См. Jugement de M-r Garat въ началѣ II тома Pierre'a Chabrit, De la monarchie française ou de ses lois, Bouillon, 1785, p. XI: Dans l'Esprit des loix la fin du livre où il traite des loix dans leur rapport avec la nature du terrain, le livre entier de l'origine et des révolutions des loix civiles en France, et les deux livres sur les fiefs, quoique séparés par les vues de l'auteur, peuvent être regardés cependant et lus de suite comme un ouvrage sur les antiquités de notre monarchie; c'est même ainsi qu'il faut les lire pour bien les comprendre.

пространены по всей Европѣ, благодаря завоеваніямъ, произведеннымъ народами сѣвера, и Монтескье спеціально восхваляетъ Скандинавію, указывая „на то великое преимущество, благодаря которому народы, населяющіе эту страну, должны быть поставлены выше всѣхъ народовъ свѣта; они были источникомъ свободы Европы, то есть, почти всей той свободы, которая есть въ настоящее время у людей" [1]).

Въ связи съ такимъ кругомъ идей норманская теорія въ русской исторіографіи могла дать своеобразное объясненіе хода русской исторіи, построенное на параллельномъ съ исторіей запада раскрытіи судебъ „готическаго правленія" среди русскихъ славянъ. Въ дѣйствительности однако она ничего подобнаго не дала. Приложеніе ея ограничивалось однимъ лишь древнимъ періодомъ, въ которомъ отмѣчались заимствованія, не обобщаемыя однако какою-либо единою философско-исторической мыслью. Въ объясненіи дальнѣйшаго хода русской исторіи представители норманской теоріи въ XVIII столѣтіи, въ томъ числѣ и Шлецеръ, примыкали къ той традиціонной схемѣ русской исторіи, которая была выдвинута ихъ научными противниками, и слѣдили не за судьбами политической свободы, а за ростомъ монархическаго полновластія; норманисты проявили нѣкоторую самостоятельность въ томъ, что отрицали полноту монархической власти у Рюрика и его ближайшихъ преемниковъ, но въ дальнѣйшемъ не отступали отъ

---

[1]) L'esprit des lois, l. XVII, ch. 4:... En Europe nous ne connoissons, depuis l'établissement des colonies grecques et phéniciennes, que quatre grands changements: le premier, causé par les conquêtes des Romains, le second, par les inondations des barbares qui détruisirent ces mêmes Romains; le troisième, par les victoires de Charlemagne, et le dernier, par les invasions des Normands (нашъ курсивъ). Ibidem, l. XVII, ch. 5: Les peuples du nord de l'Europe l'ont conquise en hommes libres.... les Goths, conquérant l'empire romain, fondèrent partout la monarchie et la liberté.—Je ne sais si le fameux Rudbeck, qui, dans son Atlantique, a tant loué la Scandinavie, a parlé de cette grande prérogative qui doit mettre les nations qui l'habitent au-dessus de tous les peuples du monde: c'est qu'elles ont été la source de la liberté de l'Europe, c'est-à-dire de presque toute celle qui est aujourd'hui parmi les hommes. Срвн. Pensées et fragments inédits de Montesquieu, Bordeaux, 1901, t. II, p. 210: Les peuples du Nord d'Europe source de la liberté.

традиціонной схемы[1]). То же замѣчаемъ и у ихъ послѣдователей въ XIX столѣтіи.

Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ Полевой. Признавъ лѣтописный разсказъ о призваніи варяговъ баснословнымъ, онъ видѣлъ въ немъ лишь свидѣтельство о такомъ же завоевательномъ распространеніи скандинавовъ на востокѣ, какое имѣло мѣсто и на западѣ Европы[2]). Въ этомъ проявилось тождество „новаго образованія обществъ" въ IX и X вѣкахъ во всей Европѣ[3]). Дальнѣйшая исторія пошла однако на западѣ и на востокѣ различными путями, потому что различна была та культурная почва, на которую пришлось сѣсть завоевателямъ тамъ и здѣсь. „Тѣ же германскаго и скандинавскаго происхожденія народы, одинаковой степени образованія, духа и религіи, пришли", говоритъ Полевой, „на Ильмень, Днѣпръ и на Ладогу, Тибръ и Гвадалквивиръ; одинаково и дикіе славяне, и просвѣщенные римляне сдѣлались ихъ рабами. Безспорно; но по разницѣ того, что было древле, прежде ихъ, отъ одинаковыхъ событій явились слѣдствія различныя"[4]). Германская свобода развилась лишь на западѣ и югѣ Европы, — изъ обломковъ древней общественности и образованія, въ борьбѣ церковной, монархической, феодальной и народной силы. Ни того же культурнаго наслѣдія, ни указанной борьбы не было на славяно-русскомъ востокѣ; вслѣдствіе этого къ нему не привились и начала политической свободы[5]).

Приведенныя воззрѣнія Полевого, вообще отступавшаго отъ правовѣрнаго норманизма[6]), стояли обособленно и оди-

---

[1]) См. П. Н. Милюковъ, Главныя теченія русской исторической мысли, томъ I, Москва, 1897, стр. 101, 103—104, 105—106.

[2]) Исторія русскаго народа, томъ I, Москва, 1829 г., стр. 18, 55, 13—14.

[3]) Исторія русскаго народа, томъ II, Москва, 1830 г., стр. 10.

[4]) Ibidem, pag. 17—18.

[5]) Ibidem, pag. 18—28, 34—36, 39—40. См. П. Н. Милюковъ, назв. сочин., стр. 268—269.

[6]) Это отступленіе сказалось во взглядѣ на Русскую Правду.— „Русская Правда", говоритъ Полевой, „въ томъ видѣ, какъ она дошла

ноко и не раздѣлялись корифеями школы, которые относились къ самозванному историку съ крайнимъ пренебреженіемъ.

Оставляя совершенно въ сторонѣ германо-норманскій духъ политической свободы, наши норманисты ограничивались тѣмъ, что приписывали германцамъ культуртрегерскую миссію по насажденію среди славянъ государственности вообще, независимо отъ отношенія ея къ политической свободѣ. До призванія варяговъ восточные славяне находились въ состояніи дикости, съ пришествіемъ варяговъ немедленно водворился среди нихъ упорядоченный политическій и правовой укладъ. Таково было ученіе норманистовъ о культурномъ значеніи германскаго начала въ исторіи славянъ. Вѣрнымъ его откликомъ явились приведенныя нами выше слова М. П. Погодина о варяжскомъ дарѣ гражданства. Выросшее на почвѣ разсказа русской лѣтописи, ученіе это было затѣмъ распространено на другіе славянскіе народы и съ особенной силой проявилось въ польской историографіи, въ которой сложился свой норманизмъ, и такъ какъ въ Польшѣ не было своихъ лѣтописныхъ варяговъ, то пришлось предварительно присочинить особую „теорію наѣзда" [1]).

до насъ, есть смѣшеніе законовъ скандинавскихъ и германскихъ, древнихъ славянскихъ обычаевъ, даже греческихъ и церковныхъ законовъ. Но—замѣтимъ важное обстоятельство: это смѣшеніе произошло подъ сильнымъ вліяніемъ народа-повелителя, варяговъ, и князя, повелѣвающаго безусловно и безотчетно.—Почитавшіе оную снимкомъ съ скандинавскихъ законовъ ошибались такъ же, какъ и почитавшіе оную уложеніемъ, даннымъ отъ Ярослава руссамъ. Предположеніе о снимкѣ оной съ германскихъ законовъ столь же неосновательно. Представителемъ первой системы можно считать Шлецера, второй Карамзина, третьей Эверса. Подумаете, что каждый обязывался представить свое отдѣльное предположеніе, не думая о тѣхъ истинахъ, что духъ человѣческій вездѣ проявляется одинаково, и измѣняла его только мѣстность; что ни одинъ народъ и никогда не списывалъ вполнѣ и не бралъ цѣликомъ законовъ другого, и законодательство нигдѣ не ограничивалось однимъ источникомъ".—См. Исторія русскаго народа, томъ II, стр. 189 и 190, примѣч. 198-ое.

[1]) См. Al. Kraushar, Uwagi nad historyą prawa, Warszawa, 1868, str. 116—118 (о Нарушевичѣ); 120—121 (о Чацкомъ); 121, nota 1-a (о Шайнохѣ). Wł. Smoleński, Szkoły historyczne w Polsce, изданіе Biblioteki dzieł wyborowych, Warszawa, 1898, str. 99—100 (о Пекосинскомъ). O. Balzer, Historya porównawcza praw słowiańskich. Główne

Но и признаніе культурно-исторической миссіи германцевъ въ славянскомъ мірѣ ограничивалось у большинства норманистовъ предѣлами древняго періода. Они указывали, что восточные славяне въ IX вѣкѣ были дики, и что только норманы насадили у нихъ политическую и правовую культуру. Этимъ утвержденіемъ обычно ограничивались и не дѣлали изъ него никакихъ дальнѣйшихъ выводовъ. Только немногіе изъ норманистовъ шли дальше и полагали культурную миссію германцевъ въ основу объясненія всего дальнѣйшаго хода русской исторіи. Въ числѣ этихъ немногихъ особенно видное мѣсто принадлежитъ Куніку. Въ древней исторіи восточной Европы его занималъ вопросъ о государственномъ развитіи славянскихъ племенъ, и именно въ видахъ разрѣшенія этого вопроса занялся онъ разысканіемъ происхожденія варяговъ и ляховъ[1]). Вопросъ объ основателяхъ государства является для Куника вопросомъ о первоосновѣ исторіи народа[2]); отъ его разрѣшенія зависитъ правильное пониманіе дальнѣйшаго хода русской исторіи[3]). Вопросъ о происхожденіи варяговъ-руси долженъ разсматриваться не какъ цѣль

---

kierunki w rozwoju nauki i jej istotne zadanie въ изданіи: Studya nad historyą prawa polskiego wydawane przez O. Balzera, tom I, zeszyt 5, Kraków, 1900, str. 10.

[1]) Ernst Kunik, Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des russischen Staates, I Abth., St.-Petersburg, 1844, Einleitung, S. IV: Für mich hatte stets derjenige Theil der Geschichte den meisten Reiz, dessen Gegenstand die staatliche Entwickelung eines Volkes oder eines Stammes ist... Ich gestehe, dass ich nicht in kurzer Frist dazu gekommen bin, einen klaren Blick auf das frühere Völkergewoge im Osten Europa und auf das, was aus ihm hervorgegangen ist, zu gewinnen. Erst Untersuchungen, die weniger einen Gegenstand der älteren, als der mittleren Geschichte zweier slawischen Völker betrafen, wurden jüngst für mich Veranlassung, auf die Entstehungen slawischer Staaten überhaupt und insbesondere des russischen einen näheren Blick zu werfen. Es konnte diess aber nicht geschehen, ohne vorher über zwei seit länger Zeit bestrittene Punkte, über die Nationalität der Waräger-Russen und der Lechen, eine feste Ansicht gewonnen zu haben.

[2]) Ibidem, p. XV: Mehr als hundert Jahre hat bereits der gelehrte Streit über die Gründer des russischen Staates, also über die Grundlage der russischen Geschichte, gedauert.

[3]) Ibidem, p. XVII: ...erwartet erst die spätere Geschichte der

въ себѣ, а какъ средство,—средство для построенія философіи русской исторіи. Призваніе варяговъ для насажденія государственности является столь же важнымъ всемірноисторическимъ фактомъ, какъ и обращеніе Петра Великаго на западъ за образцами для его государственныхъ преобразованій. Куникъ проводитъ аналогію между обоими фактами и послѣ этого заявляетъ, что далеко не безразлично, основано ли было русское государство славянами или азіатами, финнами, германцами или кельтами; важно собственно не то, какой народъ основалъ государство, а то, какой духъ вложилъ онъ въ это дѣло [1]). Куникъ рѣшалъ, что государство русское основали норманы; отсюда ясно слѣдовало, что они вложили въ это государство духъ европейской культуры, и обращеніе Петра Великаго на западъ было такимъ образомъ не отступничествомъ отъ историческаго духа русской государственно-

---

russischen und der übrigen Slawen ihre wahre Aufhellung von dem richtigen Verständniss der ersten Epoche der russischen Staatsgeschichte.

[1]) Ibidem, p. XVIII—XIX: Est ist aber endlich an der Zeit, eine höhere, nicht mehr allein auf Formelle gerichtete Forderung der Wissenschaft zu erfüllen und die Frage über die Abstammung der Waräger-Russen nicht mehr als Zweck an sich, sondern nur als Mittel zum Zweck zu betrachten. Es wird sich dann weniger um das verschrieene Thema handeln, ob die Waräger Slawen, oder Finnen, Germanen oder Asiaten waren, sondern darum, wess Geistes Kind sie waren, welche Kräfte bei der Gründung des russischen Staates in Bewegung gesetzt wurden, wie er überhaupt gegründet wurde. Von diesem Gesichtspunkte aus erscheint der so lange streitige Gegenstand als einer der grössten welthistorischen. Seit Peter dem Grossen hat das grösste der slawischen Völker sich mit der Kultur Europas auf das Innigste befreundet und wirkt in Folge dieses wieder wohlthätig auf so viele asiatische Völkerschaften zurück; diese haben erst unter Russlands Scepter in einem wahren Staatsverbande leben gelernt. Ein solcher gesellschaftlicher Verein war auch im 9-ten Jahrhundert für die Bewohner des europäischen Ostens, wie Nestor erzählt, eine unumgängliche Nothwendigkeit geworden. Sie, die Naturkinder, deren gesellschaftliche Bildungsstufe noch keine grosse Persönlichkeiten hervorbringen konnte, sahen ein, dass nur ein solcher Menschenschlag wie die Normannen die oft gestörte Sicherheit nach aussen und den Frieden im Innern kräftig wahren könnte. Da nun schon ein jedes Naturvolk seine eigenthümlichen Anlagen, in physischer, wie in moralischer Hinsicht besitzt, so folgt von selbst daraus, dass zwischen Gründung eines Staates durch Slawen oder Asiaten, Finnen, Germanen oder Kelten im neunten Jahrhundert ein grosser Unterschied liegt, der nicht scharf genug definirt werden kann.

сти, но, напротивъ того, его естественнымъ послѣдствіемъ. Куникъ самъ не формулируетъ сдѣланнаго нами вывода, но выводъ этотъ вытекаетъ изъ его разсужденія съ логическою необходимостью и подтверждается еще указаніемъ Куника на то, что антинорманисты въ русской исторіи относятся съ осужденіемъ къ реформѣ Петра Великаго [1]).

Доказательство того, что „Россія есть европейская держава", Екатерина II, слѣдуя Монтескье, видѣла въ томъ, что къ ней легко и удобно привились европейскіе нравы и обычаи, введенные Петромъ Великимъ [2]). Куникъ перенесъ вопросъ въ глубь вѣковъ и указалъ источникъ европейскаго духа русской исторіи въ основаніи государства норманами. Отсюда слѣдовалъ выводъ, что славянская стихія сама по себѣ была непригодна для политическаго развитія: для образованія государства необходимо было присоединеніе къ ней чуждыхъ этнографическихъ элементовъ,—финновъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ призванія варяговъ и даже игравшихъ въ этомъ дѣлѣ первенствующую роль [3]), и норманновъ, принесшихъ начала государственности и гражданственности. Начатое при чужой помощи, русское государство и для дальнѣйшаго своего развитія требовало чужеземныхъ заимствованій, какъ это показала Петровская реформа. Такой выводъ былъ выставленъ противъ „самобытничанія" нарождавшихся славянофиловъ, съ которыми Куникъ полемизировалъ въ лицѣ Венелина [4]). Теорія культурнаго, такъ сказать, оплодотворенія славянъ чуждыми этнографическими элементами оскорбляла національное

---

[1]) Ibidem, p. XX, nota 2-a: Es ist gewiss merkwürdig, dass diejenigen, welche in der neusten Zeit die Normannität der Waräger geradezu läugneten, auch Peter den Grossen nach ihrer Weise vor ihr Forum ziehen.

[2]) Наказъ имп. Екатерины II, ст. 6—7; сравн. Montesquieu, De l'esprit des lois, l. XIX ch. 14.

[3]) Это видно изъ самаго заглавія труда Куника,—Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven, а также изъ того одобренія, съ которымъ онъ относится къ заявленію Порошина о томъ, что воспріемниками нарождавшагося русскаго государства были финны,—см. l. c., p. XXVII.

[4]) См. l. c., p. VII sq.

самолюбіе славянофиловъ и рѣшительно отвергалась ими. Впослѣдствіи однако она воспринималась ихъ отдаленными послѣдователями, примирившимися съ „петербургскимъ періодомъ“ и съ „западничествомъ“ въ русской общественности. Въ „примирительномъ направленіи“ придавалась указанной теоріи мягкая и даже лестная для національнаго самолюбія мотивировка: „финское упрямство“ и „нѣмецкая выдержка“ признаны были нужными „по крайней мѣрѣ какъ нѣкоторая лигатура или твердая примѣсь къ мягкому благородному металлу, изъ котораго иначе нельзя сдѣлать ничего прочнаго“ [1]).

Наряду съ вопросомъ объ этнографическомъ матеріалѣ, изъ котораго составилось русское государство подъ культурнымъ воздѣйствіемъ германскаго элемента, норманисты выдвигали еще другой моментъ, именно,—мирный характеръ первоначальнаго образованія русскаго государства. Эту сторону подчеркнулъ еще Шлецеръ. „Большинство великихъ государствъ міра“, говорилъ онъ, „возникли путемъ завоеванія или принужденія, и немногія, какъ Римъ, путемъ случайнаго стеченія народовъ. Не такъ возникло русское государство! Пять народовъ, или скорѣе, народцевъ (чудь, славяне, меря, кривичи, весь), разсѣянныхъ на большомъ пространствѣ земли и различныхъ между собою даже по языку, вступаютъ добровольно въ союзъ, побуждаемые къ тому, правда, нуждой и опасностью, но не принуждаемые никакимъ Нимродомъ, и избираютъ себѣ по общему соглашенію верховныхъ главъ изъ шестого народа“ [2]). Шесть „безсмертныхъ народцевъ“ яви-

---

[1]) А. Л. Блокъ, Политическая литература въ Россіи и о Россіи, Варшава, 1884, стр. 10.

[2]) A. L. Schlözer, Несторъ. Russische Annalen, III Theil, Göttingen, 1805, S. 14. Въ другомъ мѣстѣ Шлецеръ говоритъ: Die drei Brüder hatten ein so starkes Gefolge von Landsleuten mit sich gebracht, dass sie alles mit Gewalt niederschlagen konnten“ (op. cit., II, 201). Это бросало нѣкоторую тѣнь на характеръ „призванія“. Проявившееся въ этомъ самопротиворѣчіе Шлецера отмѣтилъ еще А. Артемьевъ въ своей диссертаціи на тему: „Имѣли ли варяги вліяніе на славянъ, и если имѣли, то въ чемъ оно состояло?“, Казань, 1845, стр. 5.—Ниже мы отмѣчаемъ спеціальную оговорку М. П. Погодина по поводу того, что

лись такимъ образомъ „свободными учредителями русскаго государства" [1]). Это ученіе о мирномъ и добровольномъ образованіи русскаго государства, въ отличіе отъ насильственнаго возникновенія западно-европейской государственности изъ завоеванія, нашло себѣ дальнѣйшее развитіе у М. П. Погодина.

Сосредоточившись на древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи, М. П. Погодинъ придавалъ начальному образованію государства, въ духѣ историографіи XVIII столѣтія, существенное опредѣляющее значеніе для всего дальнѣйшаго историческаго развитія. Онъ отрицалъ наличность общественнаго договора на зарѣ политическаго бытія народовъ и уподоблялъ образованіе гражданскихъ обществъ безсознательному естественному росту минераловъ [2]). Но въ этомъ естественномъ, стихійномъ ростѣ человѣческихъ обществъ начальной стадіи принадлежало рѣшающее значеніе,—ею предопредѣлялось направленіе дальнѣйшаго развитія. „Вся исторія народа", писалъ М. П. Погодинъ въ своихъ *Афоризмахъ*, „является изъ первыхъ его дѣйствій (какъ все огромное дерево заключается въ зародышѣ, какъ въ младенцѣ виднъ уже весь будущій человѣкъ); напримѣръ, въ управленіи Ромула и отношеніи его

„призваніе и завоеваніе... раздѣлялись очень тонкою чертою".—Вслѣдъ за Шлецеромъ и Карамзинъ отмѣтилъ „призваніе", какъ особенность русской исторіи. „Начало россійской исторіи представляетъ намъ удивительный и едва ли не безпримѣрный въ лѣтописяхъ случай: славяне добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленіе и требуютъ государей отъ варяговъ, которые были ихъ непріятелями. Вездѣ мечъ сильныхъ или хитрость честолюбивыхъ вводили самовластіе (ибо народы хотѣли законовъ, но боялись неволи): въ Россіи оно утвердилось съ общаго согласія гражданъ".—Ист. Гос. Росс., т. I, гл. 4 (стр. 130 по 3-му изд. Смирдина).—Въ другомъ мѣстѣ Карамзинъ говоритъ, что варяги были „избраны славянами управлять государствомъ" (т. II, гл. 3-ья, стр. 73).

[1]) Ibidem, S. 9: Dies sind die 6 unsterblichen Völkerschafften, denen der Ehren-Name „freie Stifter des russischen Staats" gebührt.

[2]) М. П. Погодинъ, Историческіе афоризмы, Москва, 1836, стр. 100: „Учители права естественнаго говорятъ о какихъ-то договорахъ, выговариваемыхъ и подразумѣваемыхъ, въ силу коихъ составились гражданскія общества. Нѣтъ,—общества составляются какъ минералы, наростая снаружи, и условія начинаются только теперь".

малочисленнаго отряда къ прочимъ сосѣднимъ племенамъ италіанскимъ заключается уже причина будущаго преимущества надъ ними и надъ всѣмъ древнимъ міромъ. Послѣдующія дѣйствія суть только развитіе перваго начала, а первое начало опредѣляется преимущественно мѣстомъ пребыванія: сынъ персти—человѣкъ, это выраженіе имѣетъ глубокое историческое значеніе" [1]). Хотя въ приведенномъ афоризмѣ выдвигается на первый планъ „мѣсто пребыванія", въ которомъ зарождается историческая жизнь народа, тѣмъ не менѣе М. П. Погодинъ никогда не занимался объясненіемъ исторіи изъ естественныхъ условій территоріи. Онъ различалъ въ „первомъ началѣ" два другихъ опредѣляющихъ момента: смѣшанный этнографическій составъ первыхъ историческихъ дѣятелей и военный или мирный характеръ ихъ начальныхъ политическихъ дѣйствій, причемъ одно время придавалъ рѣшающее значеніе первому моменту, но впослѣдствіи оставилъ его и связывалъ всѣ свои философско-историческія построенія исключительно со вторымъ моментомъ.

„Народы вступаютъ въ бракъ между собою, какъ лица, и отъ сихъ бракосочетаній происходятъ новые народы, новое потомство. Такъ норманы женились на нашихъ славянахъ, франки на галлахъ, англосаксы на бриттахъ, вестготы на испанцахъ, остготы на итальянцахъ, венгры на паннонцахъ, норманы на сицилійцахъ, нѣмецкіе рыцари на пруссахъ и проч. Сіи мужья, не смотря на малочисленность, преобразовали совершенно своихъ женъ со всѣмъ ихъ приданымъ (нашимъ славянамъ, напримѣръ, норманы дали все политическое устройство). Въ семъ отношеніи всѣ почти европейскія государства начались одинакимъ образомъ" [2]). Скрещива-

---

[1]) Ibidem, pag. 53—54.—Вся эта тирада о значеніи „мѣста пребыванія" представляетъ собою плодъ увлеченія М. П. Погодина ученіемъ Риттера о значеніи географіи для исторіи. Погодинъ съ жаромъ восхвалялъ и проповѣдывалъ это ученіе (см. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. II, стр. 141—142; кн. IV, стр. 312), но самъ не примѣнялъ его къ объясненію русской исторіи.

[2]) Историческіе афоризмы, стр. 13. Срвн. ibidem, pag. 77—78: „Всѣ древнія государства начали свое образованіе посредствомъ

ніе разнородныхъ племенныхъ элементовъ, возведенное здѣсь на степень нѣкотораго общаго закона европейской исторіи, было съ теченіемъ времени совершенно оставлено Погодинымъ.

Въ противоположность Кунику М. П. Погодинъ никогда не простиралъ своего норманизма на объясненіе реформы Петра Великаго. Онъ признавалъ органическую необходимость послѣдней, вызванную тѣмъ, что „предъ вступленіемъ на престолъ Петра Великаго всѣ части (жизни государственной) устарѣли, обветшали". Процессъ этого обветшанія отнюдь не приводился въ связь съ раствореніемъ и исчезновеніемъ норманскаго элемента въ славянской стихіи, а разсматривался М. П. Погодинымъ какъ „обыкновенная участь человѣческихъ учрежденій, кои также живутъ, возрастаютъ, процвѣтаютъ и потомъ старѣютъ, лишаются своей силы" [1]). Равнымъ образомъ и заимствованіе образцовъ для реформы у западной, германской Европы не объяснялось германскимъ „началомъ" нашей государственности. „Европейская стихія" въ преобразованіяхъ Петра Великаго была въ глазахъ Погодина проявленіемъ общаго историческаго закона культурнаго общенія народовъ, въ силу котораго „пришедшіе позднѣе" и „младшіе братья" подвергаются вліянію ранѣе потрудившихся на культурномъ поприщѣ и старшихъ: русскому народу пришлось испытать нѣсколько такихъ культурныхъ вліяній,—со стороны норманновъ, грековъ, монголовъ и нѣмцевъ [2]).

иностранныхъ поселенцевъ. Такъ къ египтянамъ пришла каста жрецовъ вѣроятно изъ Индіи; греки получили образованіе отъ египтянъ и финикіянъ, которые сверхъ того развезли его по берегамъ Средиземнаго моря. Потомъ греки дополнили оное своими поселеніями еще далѣе, образовали римлянъ, римляне германцевъ и т. д."—Ibidem pag. 86: „Различіе племенъ, составившихъ государство, идетъ черезъ всѣ вѣки и переходитъ по всѣмъ формамъ—званія, секты, школы, партіи, образы мыслей. Какъ это удивительно!".

[1]) См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. VII, стр. 373.

[2]) Въ статьѣ подъ заглавіемъ: Петръ Великій и національное органическое развитіе, напечатанной въ іюльской книжкѣ Русскаго Вѣстника за 1863 годъ, Погодинъ писалъ: „Всѣ народы въ мірѣ подвергались вліянію одинъ другого: въ древности греки —вліянію египтянъ, римляне—вліянію грековъ, хотя Катонъ Старшій

Неизмѣнно отстаивая норманизмъ древняго періода русской исторіи, въ объясненіи дальнѣйшаго хода послѣдней Погодинъ со временемъ пересталъ придавать существенное значеніе тому, къ какому племени принадлежали „женившіеся на нашихъ славянахъ". Въ отчетѣ московскимъ друзьямъ о диспутѣ своемъ съ Костомаровымъ онъ прямо заявилъ, что „вопросъ о происхожденіи есть тысячный вопросъ изъ числа вопросовъ, составляющихъ русскую исторію. Измѣненіе его..... не имѣетъ никакого вліянія на совокупность русской исторіи. Русская исторія не двинется, если объ одномъ ея вопросѣ выразится новое мнѣніе" [1]). Такое заявленіе, несомнѣнно странное въ устахъ убѣжденнѣйшаго нормациста, объясняется тѣмъ, что еще задолго до диспута съ Костомаровымъ М. П. Погодинъ измѣнилъ свое мнѣніе о сущности „перваго начала" русской исторіи. Вопросъ о томъ, кто основалъ русское государство, постепенно утратилъ въ глазахъ М. П. Погодина философско-историческое значеніе; послѣднее перешло къ вопросу о томъ, какъ это государство было основано.

Чтеніе лекцій по всеобщей исторіи навело М. П. Погодина на мысль, что „основаніе всему политическому кладетъ въ Европѣ война" [2]). Эта мысль настолько увлекла М. П. Погодина, что онъ склоненъ былъ распространять ее не только на умственную и нравственную жизнь людей, но и на естественный процессъ стихій [3]). Единственное исключеніе изъ этого

проклиналъ ихъ образованіе; а въ новомъ мірѣ вся римская и германская Европа подчинилась Риму, потомъ христіанству. Таковъ законъ исторіи для всѣхъ государствъ. Мы пришли позднѣе всѣхъ и, какъ младшіе братья, понесли сугубое и трегубое иго: норманы, греки, монголы, нѣмецкіе и прочіе выходцы, родоначальники нашихъ дворянскихъ фамилій, дѣйствовали послѣдовательно на Россію до Петра".—См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. XXI, стр. 420.

[1]) См. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XVII, стр. 309.

[2]) М. П. Погодинъ, Историческіе афоризмы, Москва, 1836. стр. 57.

[3]) Ibidem, p. 57: „Тѣ-же войны въ наукахъ междоусобныя, государственныя, народныя, тѣ-же феодалы, тѣ-же деспоты. Тѣ-же войны въ

общаго закона творческаго дѣйствія войны составляетъ начало русской исторіи. По лѣтописному разсказу, имѣвшему для М. П. Погодина рѣшающее значеніе, русское государство было основано не чрезъ завоеваніе, а мирнымъ путемъ чрезъ добровольное призваніе князей. Это коренное различіе въ „первомъ началѣ" между Россіей и Европой привлекло на себя особенное вниманіе М. П. Погодина и было имъ положено въ основу философіи русской исторіи.

Взглядъ на „призваніе", какъ на характерную черту „перваго начала" и причину отличительныхъ особенностей всего дальнѣйшаго хода русской исторіи, былъ впервые, насколько намъ извѣстно, формулированъ М. П. Погодинымъ въ вступительной лекціи 1832 г.[1]), напечатанной затѣмъ въ 1846 году подъ заглавіемъ: „Взглядъ на русскую исторію"[2]). —„Всѣ европейскія государства", говоритъ М. П. Погодинъ въ названной лекціи, „какъ бы во исполненіе одного высшаго закона, основаны одинакимъ образомъ; всѣ составились изъ побѣдителей и побѣжденныхъ, пришельцевъ и туземцевъ..... И къ намъ пришли варяги, но *добровольно избранные*, по крайней мѣрѣ сначала, не какъ западные побѣдители и завоеватели,— первое существенное отличіе въ зернѣ, сѣмени русскаго государства, сравнительно съ прочими европейскими"[3]). Отсутствіе завоеванія привело къ тому, что у насъ не было и „пер-

---

человѣкѣ (феодальныя страсти, самодержавный разсудокъ и пр.). Тѣ-же войны между стихіями".

[1]) См. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. IV, стр. 72.

[2]) См. М. П. Погодинъ, Историко-критическіе отрывки, кн. I, Москва, 1846, стрн. 1—18.—К. Д. Кавелинъ уличалъ М. П. Погодина въ томъ, что его вступительная лекція составлена по старымъ запискамъ профессора Х. А. Чеботарева (изданнымъ М. А. Максимовичемъ въ 9-ой книжкѣ Чтеній М. О. И. и Др. Р. за 1847 годъ). См. Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина, изд. М. М. Стасюлевича, Томъ I, СПБ., 1897, столбц. 849—851.

[3]) Историко-критическіе отрывки, т. I, с. 5—6. Срвн. Историческіе аѳоризмы, стр. 102: „Къ древнимъ народамъ приносили образованіе; новые (западные) ходили за нимъ, безъ намѣренія впрочемъ. Восточныя европейскія племена (т. е. славяне) во всемъ составляютъ средину между европейской и азіатской жизнью".

ваго чада" его—феодализма. Наша удѣльная система „существенно отличается отъ феодальной, хотя и составляетъ видъ того же рода" [1]). Отсутствіе феодализма и признается, собственно говоря, главной особенностью русской исторіи, наложившей на нее своеобразный отпечатокъ самобытности, въ силу которой „вся исторія наша до малѣйшихъ общихъ подробностей представляетъ совершенно иное зрѣлище" какъ во внѣшнемъ своемъ обликѣ,—„у насъ не было укрѣпленныхъ замковъ, наши города основаны другимъ образомъ" [2]),—такъ и во внутреннемъ складѣ общества и отношеніи къ нему правительства. Сословныя различія обосновались въ Россіи не на противоположеніи побѣдителей и побѣжденныхъ, а на службѣ общему дѣлу—государству; вслѣдствіе этого между сословіями не было ни замкнутости, ни розни. „Наше дворянство, не феодальнаго происхожденія, а собравшееся въ позднѣйшее время съ разныхъ сторонъ, какъ бы для того, чтобы пополнить недостаточное число первыхъ варяжскихъ пришельцевъ, изъ Орды, Крыма, изъ Пруссіи, изъ Италіи, изъ Литвы, не можетъ имѣть той гордости, какая течетъ въ жилахъ испанскихъ грандовъ, англійскихъ лордовъ, французскихъ маркизовъ и нѣмецкихъ бароновъ, называющихъ насъ варварами. Оно почтеннѣе и благороднѣе всѣхъ дворянствъ европейскихъ въ настоящемъ значеніи этого слова, ибо пріобрѣло свои отличія *службою* оте-

---

[1]) Истор.-крит. отрывки, I, 6. Впослѣдствіи Лакіеръ доказывалъ спеціально противъ Погодина, что феодализмъ вполнѣ возможенъ и при добровольномъ призваніи, см. А. Лакіеръ, О вотчинахъ и помѣстьяхъ, СПБ., 1848, стр. 6—7. Погодинъ отвѣчалъ Лакіеру весьма банальными соображеніями о томъ, что „въ русской исторіи все просто, потому что близко къ природѣ, естественно", и наставленіемъ, что не слѣдуетъ смотрѣть на русскую исторію чрезъ нѣмецкіе, французскіе и латинскіе очки. См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. X, стр. 87—88.

[2]) Ibidem, pag. 8.—Въ 1841 г. во время путешествія по Россіи М. П. Погодинъ, прохаживаясь по Владиміру на Клязьмѣ, спрашивалъ себя: „Что такое города русскіе? и отвѣчалъ: Колоніи правительства, а первые города, Кіевъ, Новгородъ, Смоленскъ—торговыя селища. Слѣдственно, наши города съ самаго начала не имѣютъ никакого сходства съ европейскими". См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. VI, стр. 163—164.

честву..... Доступность правъ, яблоко раздора между сословіями въ древнемъ и новомъ мірѣ, существуетъ у насъ искони: простолюдину открытъ путь къ высшимъ государственнымъ должностямъ"[1]). Общество живетъ въ неизмѣнномъ единеніи съ правительствомъ, водворившимся среди него путемъ не завоеванія, а призванія, и въ Россіи даются добровольно сверху такія крупныя реформы, которыя на западѣ добываются насильно снизу. „Кто сожигаетъ у насъ разрядныя книги и уничтожаетъ мѣстничество, основанное также на заслугахъ? Не разъяренная чернь Бастильская въ минуту звѣрскаго неистовства, не Гракхъ, не Мирабо, не Руссо, а чиновный боярин, спокойно на площади, передъ лицомъ всѣхъ сословій, по повелѣнію самодержавнаго государя Ѳеодора Алексѣевича.— Кто доставляетъ намъ средство учиться, понимать себя, чувствовать человѣческое свое достоинство? *Правительство*"[2]).

Тѣ же мысли были болѣе подробно разработаны М. П. Погодинымъ въ разсужденіи: *Параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ, относительно начала*, которому авторъ придавалъ столь важное значеніе, что напечаталъ его нѣсколько разъ[3]). Мы извлечемъ изъ этого разсужденія дополнительныя данныя для характеристики Погодинской философіи русской исторіи. Въ этомъ отношеніи важно прежде всего отмѣтить собственное признаніе автора въ томъ, что отправной точкой для его построеній служитъ лѣтописный разсказъ. „Мы имѣемъ положительное сказаніе лѣтописи, что наше государство началось не вслѣдствіе завоеванія, а вслѣдствіе призванія. Вотъ источникъ различій! Какъ на западѣ все произошло отъ завоеванія, такъ у насъ происхо-

---

[1]) Истор.-крит. отрывки: I, 9 и 8.

[2]) Ibidem, p. 8.

[3]) Въ 1-омъ нумерѣ Москвитянина за 1845 годъ, въ I томѣ Историко-критическихъ отрывковъ (1846 г., стр. 55—82), въ III-ьемъ томѣ Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій (1846 г., стр. 493—518); наконецъ, въ I томѣ Древней русской исторіи до монгольскаго ига (1871 г., стр. 85—94), гдѣ „параллель" названа „сравненіемъ".

дитъ отъ призванія, безпрекословнаго занятія и полюбовной сдѣлки"[1]). Словно предвидя возраженія по поводу шаткости приведеннаго различія, авторъ спѣшитъ пояснить его. „Призваніе и завоеваніе", говоритъ онъ, „были въ то грубое, дикое время, положимъ, очень близки, сходны между собою, раздѣлялись очень тонкою чертою,—но раздѣлялись!—Взгляните на два зерна: они почти одинаковы; развѣ вооруженнымъ глазомъ можно подмѣтить ихъ тонкое различіе,—но дайте срокъ, дайте время этимъ сѣменамъ развиться, вырости, и вы увидите, что изъ одного возникнетъ дубъ, а изъ другого пальма, или какое нибудь нѣжное, благоуханное растеніе, и тонкое различіе зеренъ обнаружится разительно въ цвѣтахъ и плодахъ"[2]). Центръ тяжести различія лежитъ по прежнему въ отсутствіи у насъ феодализма и выросшаго на его почвѣ сословнаго государства. Въ русской исторіи „нѣтъ ни раздѣленія, ни феодализма, ни убѣжищныхъ городовъ, ни средняго сословія, ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы"[3])..... У насъ не было общественнаго различія между побѣдителями и побѣжденными,—за голову русина и славянина полагалась по Русской Правдѣ одна и та же цѣна[4]). Княжеская власть стояла въ непосредственномъ отношеніи къ народу и не была отдѣлена отъ него промежуточной властью вассаловъ[5]). „Нашъ князь не имѣлъ никакихъ обязанностей къ боярамъ"[6]); напротивъ того, они были подчинены князю и находились въ совершенной отъ него зависимости[7]). „Всѣ жители различались только по своимъ занятіямъ, равно доступнымъ для всякаго, а въ политическомъ, гражданскомъ отношеніи, были равны между собою и передъ княземъ"[8]). Полное отсутствіе сословной розни даетъ

---

[1]) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, III, 498.
[2]) L. c., III, 498—499 срвн. Историческіе афоризмы, стр. 88.
[3]) Изслѣдованія, 497—498.
[4]) Ibidem, 510.
[5]) Ibidem, p. 501.
[6]) Ibidem, 500.
[7]) Ibidem, 507.
[8]) Ibidem, 504, срвн. ibidem, 405: „..... Сословія только мелькнули въ началѣ нашей исторіи, и чуждыя туземнымъ племенамъ никакъ

М. П. Погодину поводъ сказать, что „въ основаніе государства у насъ была положена любовь, а на западѣ ненависть" [1]), и что „нашъ народъ былъ посаженъ на легкій оброкъ, а западный осужденъ на тяжелую барщину" [2]).

Приведенную основную „параллель" М. П. Погодинъ нерѣдко дополнялъ впослѣдствіи новыми штрихами, которые развивали прежнюю мысль о томъ, что всѣ особенности нашей исторіи выводятся изъ отсутствія завоеванія и феодализма. Въ этомъ именно духѣ М. П. Погодинъ замѣчаетъ (въ критической статьѣ по поводу диссертаціи Т. Н. Грановскаго *объ Аббатѣ Сугеріи*), „что у насъ понятіе объ единствѣ, цѣлости началось гораздо прежде, чѣмъ на западѣ. Оно было общее и исконное, никогда не прерывалось между князьями, духовенствомъ, воями, народами, лѣтописателями, не смотря ни на какое раздѣленіе, чувствовалось живо и приносило плоды" [3]). Въ этомъ же духѣ отмѣчается въ качествѣ отличительной особенности русской исторіи отвращеніе къ формѣ. „Ни одинъ на-

---

не могли завестись между ними . . . , осталось раздѣленіе естественное, прежнее по занятіямъ".

[1]) Ibidem, 510.

[2]) Ibidem, 503: . . . „Оброкъ и барщина, сами по себѣ, составляютъ теперь еще важное различіе для поселянина, уже смиреннаго, ручнаго, а что сказать о тяжеломъ оброкѣ и легкой барщинѣ въ первое время гражданскихъ обществъ, близкое къ природѣ и естественной свободѣ?" —Эти вполнѣ „благонамѣренныя" слова, долженствовавшія служить поясненіемъ „благонамѣреннѣйшей" мысли, вызвали въ крѣпостнической средѣ тревожныя замѣчанія. „Признаюсь", писалъ М. П. Погодину дружески къ нему расположенный Иванчинъ-Писаревъ, „я не понялъ сравненія или примѣненія тогдашняго быта съ нынѣшнимъ. Знаю только, что нынѣ и легкій оброкъ гибель народу, а умная барщина его благо. У меня каждый крестьянинъ въ свободное время отъ барщины выручаетъ себѣ триста рублей отъ тканья, а притомъ засѣваетъ и убираетъ въ пору свое поле. И такъ они живутъ припѣваючи, чѣмъ я и хвалюсь во всемъ околоткѣ. Что же я получаю доходу?—Двѣсти пятьдесятъ рублей съ брата. Положи я ихъ на оброкъ,—ни одинъ не заплатитъ ста рублей, отъ лѣности, нерадѣнія и пьянства, въ которомъ они погрязнутъ, какъ и другіе оброчные. Можетъ быть, ваша мысль согласуется съ моею, но это мѣсто показалось мнѣ темнымъ". См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. VIII, стр. 15.

[3]) См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. X, стр. 566.

родъ не показываетъ такого отвращенія къ формѣ, какъ русскій, ни въ одной исторіи не встрѣчается такой недовѣрчивости, неуваженія къ формѣ, какъ въ русской,—вотъ почему такъ мало находится у насъ опредѣленнаго, положительнаго, что хотятъ теперь выдумать молодые, неопытные изслѣдователи, и тѣмъ стереть, по крайней мѣрѣ для своихъ читателей, нѣкоторые изъ отличительныхъ признаковъ русской исторіи. Въ чемъ состояло то или другое званіе, право, мы можемъ большею частью отыскивать только *по дѣйствіямъ*, сколько ихъ осталось, а posteriori, въ случаяхъ[1])..... И въ этомъ отношеніи русская исторія представляетъ совершенную противоположность съ западной: тамъ господствуетъ форма, и ей приносятся всякія жертвы; тамъ форма считается главнымъ условіемъ счастья гражданскаго и человѣческаго, и западные народы, французскій въ особенности, ищутъ ее безъ памяти, отъ утра до вечера, и мучатся: сколько, напримѣръ, однѣхъ конституцій перемѣнили они съ 1789 года!"[2]). Самъ М. П. Погодинъ не ставитъ этого „отвращенія къ формѣ" въ непосредственную связь съ „первымъ началомъ" русской исторіи; тѣмъ не менѣе читатель не можетъ не усмотрѣть связи между отвращеніемъ къ юридической формѣ и началомъ „любви", положеннымъ въ основу русскаго государства и противопоставляемымъ „ненависти" и общественной розни запада.

Такова философія русской исторіи, которую развивалъ М. П. Погодинъ изъ ея „перваго начала". Слѣдуетъ замѣтить, что не всегда Погодинъ высказывалъ именно такія мысли о ходѣ русской исторіи сравнительно съ западной. Во дни молодости ему случалось предаваться діаметрально противоположнымъ размышленіямъ. Въ 1826 году, читая сочиненіе г-жи Сталь о революціи, онъ записывалъ въ свой дневникъ: „Я давно уже раздѣлилъ россійскую исторію на два періода. Первый—феодализмъ съ Рюрика, второй—деспотизмъ съ Іоан-

---

1) М. П. Погодинъ, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. IV, стр. 403—404.

2) См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. XI, стр. 199.

на III. Третьему сѣмя положено 14 декабря. Первое европейское явленіе Россіи было въ 1812 году. Дотолѣ дѣйствія ея были частныя. Іоаннъ III утвердилъ самодержавіе, а первый прочный шагъ къ нему сдѣланъ за 150 лѣтъ до него Іоанномъ Калитою въ Москвѣ, а Калита сдѣлалъ сей шагъ только при помощи монголовъ, а монголы могли пособлять ему только по покоренія Россіи, а Россія покорена (отчасти) отъ раздѣленія на удѣлы, и такъ изъ самаго феодализма чрезъ многіе процессы родился деспотизмъ. Къ новой перемѣнѣ шагъ сдѣланъ 14 декабря, и сіе 14 декабря къ будущему относится такъ, какъ Іоаннъ Калита къ Іоанну III. Чудится мнѣ, что и династіи имѣютъ извѣстное отношеніе къ эпохамъ: феодализму, деспотизму и представительному образу правленія. Въ россійской исторіи я вижу это ясно: мы переживаемъ вторую эпоху, и вторая династія у насъ царствуетъ. Рюрикова династія жила въ феодализмѣ и совершила оный деспотизмъ. · Вторая династія приняла въ руки свои деспотизмъ..... Замѣтимъ, что косвенно прямые Рюриковы потомки, коихъ было очень много при началѣ сей второй династіи, какъ-то случайно отстранились съ феодальною своею кровью" [1])..... Эту схему русской исторіи, построенную по типу сходства съ западомъ, слѣдуетъ несомнѣнно отнести къ тѣмъ „младенческимъ" мыслямъ, которыя М. П. Погодинъ совершенно оставилъ, когда „сталъ мужемъ"[2]). Столь склонный къ многократнымъ повтореніямъ, онъ никогда

---

[1]) См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. II, стр. 18. Въ приведенныхъ словахъ какъ бы предваряется мысль Герцена о томъ, что „царствованіе Александра I и 14 декабря заключаютъ Петровскій періодъ русской исторіи".

[2]) „Выпуская нынѣ первый томъ моего многолѣтняго труда, въ которомъ описаны юные годы Погодина, я долгомъ считаю", пишетъ его біографъ, „предупредить, что инымъ могутъ показаться взгляды Погодина на лица, событія и предметы несогласными съ тѣми взглядами, которые онъ высказывалъ впослѣдствіи. Но вспомнимъ слова Св. Апостола Павла: Когда я былъ младенцемъ, то по младенчески говорилъ, по младенчески разсуждалъ: а когда сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое (I Кор. 13, 14)".—См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. I, стр. VIII.

не воспроизводилъ приведенной схемы и допускалъ впослѣдствіи лишь нѣкоторые отголоски положенной въ ея основу мысли о сходствѣ русской исторіи съ западной. Отголоски эти слышатся то въ признаніи „аналогіи явленій европейскихъ съ русскими" по существу „при всемъ различіи ихъ формъ" [1]), то въ подведеніи царствованія Іоанна Грознаго подъ общій для всей Европы XVI столѣтія процессъ „установленія самодержавія на развалинахъ феодализма" [2]). Но это, повторяемъ, были лишь разрозненные отголоски; что же касается того цѣлаго, обломками котораго они являлись, то оно было оставлено авторомъ безповоротно и окончательно, будучи вытѣснено послѣдующей и уже извѣстной намъ „параллелью".

Этой „параллели" самъ М. П. Погодинъ придавалъ безусловное значеніе и доказательство ея объективной правильности видѣлъ въ оправданіи основаннаго на ней предвидѣнія. Повѣрочное предвидѣніе относилось впрочемъ не къ Россіи, а къ западной Европѣ. Въ „параллели" М. П. Погодинъ заключилъ изображеніе порожденной завоеваніемъ общественной розни на западѣ слѣдующими словами: „Въ наше время низшіе классы вслѣдъ за средними являются на сцену, и точно какъ и въ революціи среднее сословіе боролось съ высшимъ, такъ теперь низшее готовится на западѣ къ борьбѣ съ среднимъ и высшимъ вмѣстѣ. Предтечей этой борьбы уже мы видимъ: сенъ-симонисты, соціалисты, коммунисты соотвѣтствуютъ энциклопедистамъ, представившимъ прологъ къ французской революціи. Горе, если среднія сословія не образумятся тамъ заблаговременно и не сдѣлаютъ уступокъ. Имъ дается теперь на рѣшеніе задача такого же рода, какъ нотаблямъ въ 1789 году: тѣ не поняли своего положенія, и навлекли на свое отечество тучу бѣдствій. Не понимаютъ, кажется, и наши знаменитые современники, судя, напримѣръ, по просьбамъ манчестерскихъ

---

[1]) См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. V, стр. 182; М. П. Погодинъ, Историко-критическіе отрывки, т. I, стр. 174.

[2]) См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. II, стр. 393; М. П. Погодинъ, Ист.-крит. отрывки, т. I, стр. 270.

фабрикантовъ и рѣчамъ Грагама и Пиля, которые съ такимъ ожесточеніемъ не хотятъ уступить одного часа изъ двѣнадцати въ облегченіе несчастныхъ работниковъ, и вѣшаютъ равнодушно на аптекарскихъ вѣсахъ капли ихъ пота и крови, въ гордой надеждѣ распутать гордіевъ узелъ, который лишь только затягивается на западѣ"[1]). Этимъ своимъ словамъ М. П. Погодинъ придавалъ значеніе научнаго предсказанія; поэтому, когда разыгрались событія 1848 года съ революціоннымъ выступленіемъ пролетаріата, онъ съ гордостью заявлялъ: „Все происходитъ по моему предвидѣнію"[2]).

Что касается Россіи, то по поводу ея соціальныхъ отношеній М. П. Погодинъ не давалъ въ своей „параллели" никакихъ предсказаній. Но когда основной соціальный вопросъ русской жизни его времени былъ рѣшенъ, и освобожденіе крестьянъ стало совершившимся фактомъ, М. П. Погодинъ поспѣшилъ включить его въ свою схему философіи русской исторіи. Въ написанной въ 1861 г. статьѣ,—*Наше время въ отношеніи къ русской исторіи*,— онъ указалъ на мирный характеръ великаго событія и противопоставилъ его насильственнымъ революціямъ запада, которыя не достигали однако столь коренного измѣненія соціальныхъ отношеній. Словно недовольный тѣмъ, что нельзя было прямо сказать: „все произошло по моему предвидѣнію", Погодинъ въ сердцахъ жестоко отчиталъ и выбранилъ всѣхъ „отвергавшихъ сравненіе (надо разумѣть: его *параллель*) русской исторіи съ западною"[3]).

---

[1]) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. III, стр. 496.

[2]) См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. IX, стр. 260.

[3]) „Къ вамъ теперь, обращаюсь я, доморощенные наши историки-самозванцы, покойные и безпокойные, вы, препрославленные кумами-журналистами, вы, отвергавшіе сравненіе русской исторіи съ западною, и, наконецъ, вы, нагло восклицавшіе, что у насъ нѣтъ исторіи! Что вы скажете объ этихъ явленіяхъ?—Но мы вооружались противъ древней исторіи, ворчатъ они пристыженные, а это новая.—Да развѣ новая исторія не отъ древней происходитъ? Развѣ можно устье отдѣлить отъ истока, несмысленные! Ну, вотъ вамъ событіе и изъ древней исторіи, которую впрочемъ вы еще меньше понимаете, не смотря на свои умничанья, кои разлетаются въ прахъ при первомъ прикосновеніи критики. Уничтоженіе мѣстничества. Это событіе—столь же знаменательное, хотя,

Хотя М. П. Погодинъ крѣпко бранилъ тѣхъ, кто не раздѣлялъ его схемы философіи русской исторіи, но и самъ онъ по временамъ противорѣчилъ ей своими заявленіями, противорѣчилъ въ корнѣ,—по основному вопросу о „первомъ началѣ". По извѣстной намъ схемѣ „первымъ началомъ" признавалось призваніе князей. Таково было общее положеніе, по отдѣльнымъ же частнымъ поводамъ начало русскаго государства передвигалось въ болѣе позднюю эпоху. Побывавъ въ 1841 г. въ селѣ Боголюбскомъ, Погодинъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „Кто бы подумалъ, что изъ этого мѣста Великороссія, нынѣшняя Россія, вступила на поприще исторіи!" [1]). Въ томъ же году Погодинъ напечаталъ статью о Москвѣ, въ которой категорически заявилъ, что *Москва есть корень, зерно, сѣмя Русскаго государства.*—„Ни Новгороду, ни Кіеву, ни Владиміру нельзя приписать этой чести. Новгородъ и Кіевъ древнѣе Москвы, они начинаютъ русскую исторію, но не начинаютъ нынѣшняго русскаго государства. Они присоединились къ Москвѣ, а не Москва присоединилась къ нимъ. Это Ока, Кама, кои впадаютъ въ Волгу..... Началу Москвы соотвѣтствуетъ въ этомъ смыслѣ начало Волги...., а не начало Оки или Камы.... Начало нынѣшняго русскаго государства,.... соотвѣтствующее началу Волги въ Осташковскомъ уѣздѣ, есть Москва.

разумѣется, въ меньшемъ размѣрѣ: собственныя права свои.... старое боярство кладетъ на костеръ, подгребаетъ уголья и сожигаетъ на площади—и когда? Когда не было помину ни объ какихъ интересахъ, ни о какомъ прогрессѣ и ни о какой гуманности, когда не было никакихъ образцовъ, да и знать ихъ никто не хотѣлъ. Но развѣ дворянству принадлежитъ мысль о сожженіи разрядныхъ книгъ? Кому же? Не Ѳеодору же Алексѣевичу, который по болѣзни своей ни объ чемъ и не думалъ; не народу, которому до разрядныхъ книгъ не было дѣла. Русскому толку, если хотите, принадлежитъ это славное дѣяніе, тому толку, который призвалъ Рюрика, въ надеждѣ отъ него порядка, составилъ Судебникъ, избавилъ Москву отъ враговъ, избралъ Михаила, издалъ Уложеніе, возвелъ на престолъ семнадцатилѣтняго юношу Петра I, сжегъ Москву при французахъ, на который и теперь, по мудрѣйшему слову въ манифестѣ, государь полагается при приведеніи въ исполненіе величайшаго въ мірѣ преобразованія".—См Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. XVIII, стр. 29—30.

[1]) См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. VI, стр. 164.

—Кіевъ, Новгородъ, древнѣе Москвы, были долго знаменитѣе, могущественнѣе, пространнѣе; но и впадающія рѣки берутъ часто свое начало гораздо выше, текутъ дальше своихъ воспріемницъ, и бываютъ иногда столь велики и важны, что производятъ споръ между географами, которую изъ нихъ считать главною, и которую побочною.—Впрочемъ дѣло Москвы такъ ясно, что объ ней и спорить нечего.—Всѣ части, составляющія нынѣшнюю Россійскую Имперію, суть пріобрѣтенія Москвы, такъ что всю Россію можно въ этомъ смыслѣ назвать распространившеюся Москвою" [1]).

Въ приведенныхъ словахъ высказано полное отрицаніе преемственности политическаго развитія между Новгородомъ, Кіевомъ и Москвой. Мы не можемъ воздержаться отъ того, чтобы мимоходомъ не отмѣтить въ этомъ отрицаніи нѣкотораго предвѣстія современнаго намъ теченія въ русской исторіографіи, усматривающаго въ Руси Днѣпровской и Руси Сѣверо-восточной двѣ совершенно различныхъ историческихъ дѣйствительности [2]). Для Погодина такая точка зрѣнія была, въ сущности говоря, научнымъ самоуничтоженіемъ. Если „Москва есть корень, зерно, сѣмя русскаго государства", то всѣ необходимыя, по мнѣнію Погодина, изысканія о началѣ государства [3])

---

[1]) См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. VI, стр. 4; М. П. Погодинъ, Истор.-критич. отрывки, кн. I, стрн. 164—165.

[2]) См. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до смутнаго времени подъ ред. В. Н. Сторожева, вып. I, Москва, 1898, стр. XVIII; М. Грушевський, Звичайна схема „русскої" исторіі й справа раціонального укладу історії Східнього Словянства, въ Статьяхъ по славяновѣдѣнію, вып. I подъ ред. В. И. Ламанскаго, СПБ., 1904, стр. 298—304.

[3]) „Исторія всякаго государства есть не что иное, какъ развитіе его начала; настоящая и будущая его исторія такъ происходитъ изъ начала, какъ изъ крошечнаго сѣмени выростаетъ то или другое огромное дерево, какъ въ человѣческихъ поколѣніяхъ правнуки сохраняютъ часто тончайшіе оттѣнки голоса или легчайшія черты тѣлодвиженія своихъ прадѣдовъ. Начало государства есть самая важная, самая существенная часть, краеугольный камень его исторіи, и рѣшаетъ судьбу его на вѣки вѣковъ. Въ началѣ должно искать источника главныхъ государственныхъ явленій, и вмѣстѣ отличія русской исторіи отъ всѣхъ прочихъ западныхъ и восточныхъ".—Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. II, стр. 2.

должны сосредоточиваться исключительно на Москвѣ и отнюдь не простираться въ глубь далекаго по времени и генетически не связаннаго съ Москвой политическаго развитія Новгорода. Исторія послѣдняго можетъ имѣть лишь значеніе для мѣстной характеристики одной изъ провинцій, а отнюдь не для выясненія особенностей всего Московскаго государства, которое выросло изъ другого „зерна". Между тѣмъ въ схемѣ („параллели") ходъ исторіи государства въ его цѣломъ выводился изъ призванія князей новгородцами. Разсуждая строго логически, нельзя найти выхода изъ такого самопротиворѣчія: начало государства можно признавать либо въ Новгородѣ, либо въ Москвѣ. Погодинъ однако нашелъ выходъ, провозгласивъ еще „начало начала", каковымъ онъ призналъ основаніе династіи, отождествляемое съ основаніемъ государства вообще,—дѣйствительнаго въ Новгородѣ и всякаго возможнаго въ будущемъ по всему лицу земли русской. Такая мысль содержится въ данномъ Погодинымъ истолкованіи историческаго значенія призванія и пришествія варяговъ. „Главное, существенное въ этомъ происшествіи, относительно къ происхожденію русскаго государства, есть не Новгородъ, а лицо Рюрика, какъ *родоначальника династіи*....., который пришелъ съ чувствами дружелюбными къ племени, призывавшему его по доброй волѣ. Началось преемство, стало за кѣмъ слѣдовать, хотя еще и въ пустомъ пространствѣ. Вотъ почему это происшествіе безсмертно въ русской исторіи!..... Здѣсь начало династіи..... Это въ нѣкоторомъ отношеніи начало начала" [1]).

Погодинская философія русской исторіи была отраженіемъ и выраженіемъ того теченія общественной мысли, которое из-

---

[1]) См. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. III, стр. 477 и 71. — Мы говоримъ о самопротиворѣчіи и выходѣ изъ него потому, что у М. П. Погодина оба приведенныхъ мнѣнія не смѣняются одно другимъ, а излагаются рядомъ. Въ I-ой книгѣ Историко-критическихъ отрывковъ (1846 г.) напечатаны и „Взглядъ на русскую исторію", и извѣстная „Параллель", и статья о „Приращеніяхъ Москвы", напечатаны безъ какихъ бы то ни было измѣненій съ сохраненіемъ противорѣчащихъ другъ другу мѣстъ (см. стр. 5—6, 164, 38—39).

вѣстно подъ мѣткимъ названіемъ „оффиціальной народности" [1]). Особенное значеніе придавалось въ этомъ направленіи ученію объ образованіи государства чрезъ призваніе, а не завоеваніе, какъ коренномъ отличіи русской исторіи отъ западной. Признаніе этого ученія и всѣхъ его послѣдствій являлось признакомъ политической „благонадежности". Когда въ 1848 году въ виду революціоннаго движенія на западѣ правительство наше потребовало отъ журналовъ „предосудительнаго" направленія засвидѣтельствованія ихъ благонадежности, въ *Отечественныхъ Запискахъ* появилась редакціонная статья подъ заглавіемъ: *Россія и Западная Европа*, въ которой превозносилось значеніе „призванія" и воспроизводились всѣ прочія мысли Погодинской „параллели". Означенная статья была одобрена Негласнымъ Комитетомъ и затѣмъ „удостоилась обратить на себя всемилостивѣйшее вниманіе Его Императорскаго Величества", какъ это оффиціально засвидѣтельствовалъ предсѣдатель Негласнаго Комитета Д. И. Бутурлинъ [2]).

---

[1]) См. А. Н. Пыпинъ, Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ, изд. 3-ье, СПБ., 1906, стр. 135, 213.—Не безинтересно будетъ напомнить, что норманизмъ, оффиціально одобряемый въ XIX вѣкѣ въ трудахъ „историографа" Карамзина и „дядьки" русской исторіи Погодина, въ XVIII вѣкѣ подвергался гоненію. Такъ, рѣчь Г. Ф. Миллера Origines gentis et nominis Russorum (1749 г.) была по жалобѣ Ломоносова не допущена къ произнесенію и конфискована. См. объ этомъ Schlözer, Несторъ, Russische Annalen, I Theil, Göttingen, 1802, S. 92; А. Артемьевъ, Имѣли ли варяги вліяніе на славянъ, и если имѣли, то въ чемъ оно состояло?, Казань, 1845, стр. 2. Вообще съ вопросомъ о происхожденіи Руси связывалось „чтеніе въ сердцахъ". Такъ по поводу теоріи Костомарова Щебальскій писалъ Погодину: „Гдѣ секретъ этого всеобщаго восторга по поводу жмудскаго происхожденія? Вражда ли это къ нѣмцамъ; желаніе ли это ... выругать потомковъ Рюрика и его самого, или наконецъ, открыть, что прикосновеніе къ жмудину даетъ что нибудь другое кромѣ чесотки? ... Но тутъ секретъ какой нибудь есть".—См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. XVII, стр. 323.

[2]) См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. IX, стр. 289—298.—Обуреваемый авторскимъ самолюбіемъ и „патріотическимъ" рвеніемъ, Погодинъ пытался печатно уличить Отечественныя Записки въ лицемѣріи, но цензура не допустила его статьи къ напечатанію, чтобы не подавать повода „внести въ журнальную полемику важнѣйшіе вопросы государственной жизни Россіи",—см. ibidem, p. 302.

Успѣхъ воззрѣній М. П. Погодина не ограничивался однако кругомъ сторонниковъ „оффиціальной народности" и правительственными сферами. Мнѣніе о предопредѣлившемъ весь ходъ русской исторіи значеніи „призванія" было воспринято славянофилами. Такъ, еще въ 1840 году Ю. Ѳ. Самаринъ заявилъ въ письмѣ своемъ къ пріѣзжавшему въ Россію члену французской палаты Могену: „У насъ не было и не могло быть завоеванія, именно благодаря географическому положенію страны и малочисленности пришлаго племени, слѣдовательно не могло быть ни феодализма, ни военной аристократіи, въ смыслѣ самостоятельнаго принципа, ни враждебныхъ отношеній побѣжденныхъ къ побѣдителямъ, слѣдовательно не могло быть и революціи, и конституціи" [1]). Въ этихъ словахъ М. П. Погодинъ „увидѣлъ съ удовольствіемъ плодъ своихъ лекцій" [2]). П. В. Кирѣевскій въ критическомъ разборѣ „Параллели" (1845 года) осудилъ Погодина за норманизмъ, но въ то же время призналъ за „истину несомнѣнную", что главное отличіе древней Россіи отъ западной Европы основывается на отсутствіи у насъ завоеванія [3]). Эта „истина" положена была затѣмъ въ основу законченной схемы русской исторіи, которую отъ лица славянофиловъ разработалъ К. С. Аксаковъ [4]).

По поводу „Параллели" М. П. Погодину пришлось, наконецъ, услышать одобреніе съ той стороны, откуда онъ менѣе всего могъ ожидать его, именно — со стороны А. И. Герцена.

---

[1]) См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. V, стр. 482.

[2]) Ibidem, p. 483.

[3]) См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. VIII, стр. 130; также А. Н. Пыпинъ, назв. сочин., стр. 267—268.

[4]) См. К. С. Аксаковъ, Полн. собр. сочин., т. I, М. 1889, стр. 13, 16 и 17; срвн. стр. 59 и 61.—Слѣдуетъ замѣтить, что и М. П. Погодинъ поддавался вліянію славянофиловъ и восполнялъ свою философію русской исторіи элементами, заимствованными у нихъ. Такъ, въ 1849 г. онъ характеризовалъ историческій укладъ русской жизни, основанный на отсутствіи общественной розни и на „любви", какъ „начало общинное" (См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. X, стр. 401), Въ частности М. П. Погодинъ присоединился къ тому объясненію и з г о я, которое предложилъ К. С. Аксаковъ (см. ibidem, кн. XI., стр. 182 V). Срвн. П. Н. Милюковъ, назв. соч., стр. 283.

Собственно говоря, Герценъ одобрилъ въ „Параллели" отношеніе автора къ западной Европѣ: „Погодинъ очень вѣрно изложилъ, какъ новая жизнь побѣждала въ Европѣ феодальную форму и даже заглянулъ въ будущее" [1]). Такой отзывъ Герцена можно объяснить только его глубоко отрицательнымъ отношеніемъ къ „феодальной" и „мѣщанской" Европѣ [2]), а также его вѣрой въ спеціальное историческое призваніе Россіи [3]). Какъ ни несоизмѣримы были общественныя воззрѣнія Погодина и Герцена, существовала однако точка, въ которыхъ эти „крайности" сходились. Такой точкой схожденія была мысль объ историческомъ изъятіи Россіи изъ единообразія формъ и послѣдовательности соціально-политическаго развитія Европы.

Ѳ. Тарановскій.

Р.С.Ф.С.Р. ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА В. К. П.

---

[1]) См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. VIII, стр. 115.

[2]) Это отношеніе существовало, значитъ, у Герцена уже въ 1845 году, когда онъ подъ псевдонимомъ Ярополка Водянскаго писалъ о Погодинской „параллели" въ Отечественныхъ Запискахъ (кн. XXXIX). Послѣ опыта 1848 года оно лишь усилилось и въ такомъ видѣ нашло себѣ выходъ въ грозныхъ и желчныхъ филиппикахъ „Съ того берега".

[3]) „Я чую сердцемъ и умомъ, что исторія толкается именно въ наши ворота",—см. А. И. Герценъ, Запять лѣтъ (1855—60), стр. 25—26.

Того же автора:

Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи. Историко-юридическое изслѣдованіе. Варшава, 1897.

Интересъ и нравственный долгъ въ правѣ. Варшава, 1899.

Сравнительное правовѣдѣніе въ концѣ XIX вѣка. Варшава, 1902.

Феодализмъ въ Россіи. Критическій очеркъ. Варшава 1902 (распродано).

Политическая доктрина въ Наказѣ императрицы Екатерины II. Кіевъ, 1903.

Юридическій методъ въ государственной наукѣ. Очеркъ развитія его въ Германіи. Историко-методологическое изслѣдованіе. Варшава, 1904.

Лейбницъ и т. н. внѣшняя исторія права. СПБ. 1906.

Leibniz und die sogenannte äussere Rechtsgeschichte. Weimar, 1906.

Обзоръ актовъ Угличской провинціальной канцеляріи (1719—1726 г.), часть первая. Москва, 1908.